

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1988

7

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редакто-
ра*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУ-
ЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор
ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. З. ЗИЯ-
МОВ, доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор фи-
лол. наук Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУ-
ЧИН, доктор ист. наук Ю. А. ПОНОМАРЕВ, доктор фи-
лос. наук Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАД-
ЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, док-
тор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос. наук
Г. С. САИДБАЕВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕ-
ВА, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХА-
МЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист.
наук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв.
секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

Сдано в набор 29.07.88. Подписано к печати 19.08.88. Р14761. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 5,5.
Тираж 937. Заказ 190. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

.... Опыт трех лет перестройки, революционного обновления страны, демократизация партийной и общественной жизни поставили в повестку дня необходимость глубокой реформы политической системы.

Советское государство родилось как орудие диктатуры пролетариата и на определенной стадии общественного развития превратилось в общенародное государство. Теперь задача состоит в том, чтобы советская государственность в полном объеме соответствовала этому понятию, чтобы все дела в стране решались народом и его полномочными представителями, находились под его полным и действенным контролем.

... Решающее направление реформы политической системы — обеспечение полновластия Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления в нашей стране.

Из резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О демократизации советского общества и реформе политической системы».

... Революционная перестройка невозможна без всемерной активизации интеллектуального, духовного потенциала общества, прогресса науки и техники, без увеличения научно-технического вклада ученых и инженерных кадров, повышения их престижа и улучшения условий работы, без современного уровня всей системы образования и роста общей и политической культуры народа.

Конференция подчеркивает важное значение интенсивного развития фундаментальных и прикладных наук, решения острой проблемы внедрения открытий и изобретений в практику, постоянной связи науки с производством. Нужны новые формы организации научной жизни. Насущно необходима глубокая перестройка в общественных науках, которым предстоит до конца преодолеть догматизм и отрыв от жизни. Их долг — творчески разрабатывать актуальные и перспективные вопросы развития социализма, проблемы мирового развития, повысить реальную отдачу для политики, для общества.

Из резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки».

Решения партии—в жизнь!

Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОЙ
ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

В утвержденных XXVII съездом КПСС Основных направлениях экономического и социального развития СССР на период до 2000 г. отмечается, что высшей целью экономической стратегии партии был и остается неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. Реализация этой цели в предстоящем периоде требует ускорения социально-экономического развития, всемерной интенсификации и повышения эффективности производства на базе научно-технического прогресса. Для выполнения этой задачи предстоит поднять на качественно новую ступень развитие производительных сил и производственных отношений, усилить социальную ориентацию развития экономики, ее направленность на создание лучших условий жизни советских людей.

Для Узбекской ССР наиболее актуально обеспечение эффективной занятости населения, ибо здесь весьма высоки темпы естественного прироста населения. Доля республики в общей численности населения страны увеличилась с 4,9% в 1970 г. до 6,8% в 1987 г. Прирост населения за эти годы составил 7,2 млн. человек, или 18,1% общесоюзного прироста. Однако темпы роста национального дохода на душу населения республики значительно отставали от общесоюзных (за 1971—1987 гг. по СССР — 175%, в УзССР — 139%). В республике возросла доля не занятого в общественном производстве трудоспособного населения, ухудшились показатели уровня жизни.

Сложившиеся в экономическом и социальном развитии республики негативные тенденции объясняются рядом причин, из которых прежде всего можно выделить следующие:

1. Допущенные ошибки и просчеты в политике капиталовложений. При увеличении доли населения республики в общей численности населения СССР с 1970 по 1987 г. с 4,9 до 6,8% доля УзССР в общих капитальных вложениях страны сократилась с 3,77 до 3,59%. Особенно сильно отставало развитие социальной инфраструктуры. В 1981—1985 гг. по сравнению с X пятилеткой ввод школ (тыс. уч. мест) уменьшился на 11%, больниц (коек) — на 5,6% дошкольных учреждений (тыс. мест) — на 10,1%. В то же время в XI пятилетке не были освоены в полной мере выделенные капитальные вложения. Та же картина сохраняется и на сегодняшний день. Задания по вводу основных фондов и капитальных вложений на 1987 г. государственными предприятиями и организациями выполнены на 87 и 96%. Более того, структура вводимого жилья не отвечает структуре семей, не учитывает региональных особенностей и образа жизни местного населения. Отстала от современных требований и материально-техническая база строительства республики.

2. Структурная политика недостаточно учитывает региональные особенности республики. При высокой доле сельского населения

(58,1%), значительных резервах не вовлеченного в общественное производство трудоспособного населения в сельской местности, наличии благоприятных природно-климатических условий для многопрофильного развития сельского хозяйства упор делается на развитие хлопководства, превратившегося по существу в монокультуру, на размещение крупных предприятий, как правило, водоемких и менее трудоемких, которые оказывались недогруженными из-за нехватки квалифицированных кадров. Слабо использовались возможности развития отраслей перерабатывающей промышленности на основе новых форм агропромышленной интеграции и использования местных ресурсов.

3. Недостаточно эффективная и дифференцированная научно-техническая политика не смогла обеспечить приоритетного развития тех направлений науки и техники, которые имеют первостепенное значение для комплексного эффективного использования трудового и природного потенциала.

В промышленном производстве удельный вес машиностроения составляет всего 19,6%, несовершенна его структура. Новые направления научно-технического прогресса не обеспечены подготовленными квалифицированными кадрами и соответствующей материально-технической базой.

4. Демографическая и социальная политика страдает крупными недостатками. Не обеспечена рациональная занятость населения с учетом потребностей отдельных слоев его в тех или иных видах труда в общественном производстве. Например, на формирование и удовлетворение потребности женского населения в общественно производительном труде в республике с высоким уровнем рождаемости позитивное влияние оказывает широкое развитие таких форм трудовой занятости, как работа на режимах неполного рабочего времени, на дому, на договорных началах. Однако численность надомников составляет лишь 25 тыс., гибкие графики применяются пока только в порядке эксперимента.

«Остаточный» принцип планирования ресурсов на социальное развитие и недостаточное использование их привели к снижению уровня жизни отдельных социальных групп и областей республики. Среднегодовые темпы прироста реальных доходов на душу населения за три предыдущие пятилетки уменьшились в 3,5 раза, общественных фондов потребления — в 2,2 раза.

Нарастающее отставание от среднесоюзного уровня наблюдается в развитии сферы услуг, розничной торговли, жилищном строительстве и социальной инфраструктуре. По этим показателям Узбекистан примерно вдвое отстает от среднесоюзного уровня. В сельской же местности республики в расчете на душу населения объем реализации бытовых услуг в 1,3 раза, товарооборота — в 2,3 раза ниже, чем в городах.

Абсолютно снизилось и значительно ниже общесоюзного уровня и рациональных норм потребление некоторых продуктов питания, особенно в сельской местности. Например, потребление мяса и мясопродуктов у колхозников в 6 раз ниже рациональных норм потребления и в 7,3 раза — медицинских; молока и молокопродуктов — соответственно в 2,1 и 2,2 раза.

Не обеспечивается необходимый уровень профессиональной подготовки населения, особенно женщин. По данным переписи населения 1979 г., на 1000 занятых численность женщин, имеющих высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, в сельской местности в республике составила 59% к общесоюзному уровню.

В 1986 г. доля женщин в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием среди агрономов, зоотехников и ветеринарных врачей не превышает 17%.

Крайне низко качество обучения в общеобразовательных школах.

Многие выпускники плохо владеют русским языком и имеют недостаточные знания. Слабо используются такие прогрессивные методы территориального перемещения трудовых ресурсов, как: вахтовый, межреспубликанский обмен, сезонные рабочие бригады, стажировки.

5. Несовершенство системы управления экономикой, недифференцированный подход союзных плановых и других экономических органов к решению вопросов территориального развития, без учета специфики воспроизводства населения оказывают существенное влияние на сохранение в республике указанных выше негативных тенденций. Оно еще более усиливается в результате отсутствия научно обоснованной концепции перспективного территориально-отраслевого развития, основанной на нестандартных эффективных методах решения региональных проблем и преодоления диспропорций.

Разработка концепций обеспечения социально эффективной занятости населения республики на основе ускорения социально-экономического и научно-технического развития на длительную перспективу требует проведения ряда мер, и прежде всего — создания надежной научной базы. Основное внимание в ней должно быть уделено:

формированию модели экономики республики начала XXI в., отвечающей критериям высокого уровня эффективности общественного воспроизводства и социального развития;

определению типа экономического роста, обеспечивающего интенсивное использование всех производственных ресурсов на новой научно-технологической основе при полной занятости трудоспособного населения общественно полезным трудом и комплексном использовании природного потенциала;

демографическим и социологическим исследованиям по изучению семьи, качественным характеристикам трудового потенциала, регулированию демографических процессов;

разработке научных основ и методов создания эффективного планово-экономического механизма управления региональным развитием, сочетающего централизованное перспективное планирование с развитием инициативы, демократических начал, принципов хозрасчета и самофинансирования в территориальном управлении.

Реализация указанной концепции предполагает преимущественное использование внутренних резервов развития республики в сочетании с изменением пропорций в планировании общегосударственного накопления.

Прежде всего необходимо обеспечить комплекс мер для того, чтобы эффективно соединить богатый трудовой потенциал с уникальными природными ресурсами, обеспечить таким путем возможности для быстрого экономического роста и подъема благосостояния населения, используя при этом преимущества территориального разделения и кооперации труда.

В промышленности предстоит найти новые пути качественных преобразований в развитии ее структуры, связанные с размещением и доведением до глубокой переработки трудоемких и наукоемких производств легкой промышленности, машиностроения, электротехнической, электронной, приборостроения и других отраслей. В связи с тем, что основная масса свободных рабочих рук приходится на сельскую местность, важнейшим направлением структурных сдвигов должна стать перерабатывающая промышленность на основе эффективной агропромышленной и строительной интеграции. Наряду с традиционными формами (развитием промышленных форм переработки сельскохозяйственного сырья и продовольствия непосредственно в местах их производства) предстоит найти новые формы: осуществлять постепенный переход от сельскохозяйственной к индустриальной занятости местного населения на основе широкого применения нетрадиционных форм,

т. е. без перемещения в крупные города, на месте его современного проживания, при широком совмещении труда в строительстве, промышленности, на транспорте, в обслуживающих отраслях — с сельскохозяйственным трудом, чередование различных видов труда в течение года. Экономическая эффективность такой нетрадиционной формы перераспределения сельских трудовых ресурсов в несельскохозяйственные отрасли будет достаточной, чтобы оправдать сравнительно небольшие размеры создаваемых на селе промышленных, строительных и транспортных предприятий, а также учреждений сферы обслуживания.

Реализация этих мер требует резкого увеличения затрат на организацию службы по профессиональной ориентации местной сельской молодежи на индустриальные и другие несельскохозяйственные виды труда и особенно на создание в сельской местности республики разветвленной сети разнопрофильных ПТУ, имеющих хорошую материально-техническую базу. Возникающая при размещении этих училищ в сельской местности экономия средств на строительство общежитий для учащихся могла быть использована для создания благоустроенных квартир и предоставления других благ для преподавателей и мастеров, по аналогии с преподавателями сельских общеобразовательных школ. Это позволило бы привлечь специалистов из городов в сельскую местность и закрепить их там на многие годы, причем очень важно, чтобы это были специалисты не местной национальности.

Предстоит возродить в сельских местностях республики традиционные ремесленные производства изделий для собственных нужд, на вывоз в другие республики и на экспорт, создавая для этого соответствующие условия в виде кооперативов разных форм, надомного труда, индивидуальной трудовой деятельности, формирования на селе мобильных строительных бригад, а также бригад по производству стройматериалов для осуществления своими силами производственного, жилищного и социально-культурного строительства, создания агропромышленных комбинатов и других гибких форм объединений с замкнутым циклом и развитой социальной инфраструктурой. Все это должно быть подчинено решению задачи самообеспечения развития республики с учетом произведенного национального дохода и эквивалентного межреспубликанского обмена в соответствии с главной специализацией республики — хлопководством.

Одновременно должна повышаться доля республики в централизованно распределяемых ресурсах для решения задач, имеющих общесоюзное значение. Это, прежде всего, ресурсы, необходимые для перевода хлопководства на интенсивную основу, формирования в республике общесоюзной текстильной и плодоовощной базы страны, освоения новых полезных ископаемых, сооружения объектов общесоюзного значения, а также централизованные капитальные вложения для ускорения социального развития и подготовки кадров.

Ретроспективный анализ показывает, что на протяжении последних пятилеток наблюдалось снижение удельного веса капиталовложений, приходящихся на республику. В 1986 г. на одного жителя Узбекской ССР приходилось в 2,2 раза меньше капиталовложений, чем в среднем по стране. В 1970—1986 гг. при росте трудовых ресурсов на 74,2 % капиталовложения на одного жителя республики возросли на 28 %.

Необходима выработка эффективной научно-технической политики в республике на долгосрочный период, отличительная особенность которой состоит в сосредоточении внимания на разработке проблем, имеющих первостепенное значение: коренное улучшение использования орошаемых земель и их обессоливание, экономия воды, использование безвредных для человека средств дефолиации хлопчатника,

создание новых его сортов с высоким выходом волокна, усиление селекционной работы и использование достижений генной инженерии для выведения более продуктивных пород домашнего скота, комплексное исследование условий жилищного и промышленного строительства с учетом сейсмичности и жаркого климата (обратив особое внимание на совершенствование типового проектирования филиалов и цехов предприятий легкой и швейной промышленности, где в основном работают женщины), разработка эффективных технологий производства товаров народного потребления из местного сырья, создание экологически чистых зданий и промышленных объектов.

Техническое же перевооружение действующих предприятий в республике должно осуществляться с тщательным учетом складывающегося здесь соотношения между количеством рабочих мест и численностью трудовых ресурсов и учетом необходимости поддержания занятости населения на достаточно высоком уровне. В отдельные периоды с целью поддержания занятости местных низкомобильных контингентов населения, при отсутствии нужных капиталовложений для создания новых предприятий, необходимо придержать темпы технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий, осуществляя их в первую очередь лишь на тех из них, которые характеризуются тяжелыми условиями труда (с целью их облегчения) или производят остродефицитную, крайне необходимую народному хозяйству и населению продукцию.

В этих условиях возникает важный и сложный вопрос об установлении оптимального в экономическом и социальном аспектах соотношения между теми частями капиталовложений, которые идут на строительство новых предприятий и которые используются на техническое перевооружение действующих. В республике доля первой части капиталовложений в общем их объеме должна быть несравненно больше, второй — меньше, чем в трудodeфицитных регионах страны.

Качественно новых подходов требует программа социального развития республики. Целесообразно разработать республиканскую Комплексную программу социального развития и повышения благосостояния, которая должна стать главным инструментом осуществления активной социальной политики в республике. Она могла бы включить:

реализацию эффективной демографической политики, выявление реального резерва незанятого населения и прироста трудовых ресурсов, которые можно вовлечь в общественное производство, повышения уровня их подготовленности;

комплекс мер по рациональному использованию трудового потенциала (по территории, отраслям и сферам производственной и непромышленной сферы, социальным группам, по полу и возрасту);

долгосрочные балансы использования трудовых ресурсов по республике, областям, районам и городам;

обеспечение непрерывности образования и значительного повышения его качества, широкая кооперация с другими регионами в подготовке квалифицированных рабочих кадров и специалистов, улучшение освоения русского языка;

создание национальных поселений и районов в других республиках с обучением детей на родном языке и тесными связями с республикой;

меры по улучшению условий труда, особенно в хлопководстве, сокращению тяжелого физического и вредного труда (ныне в промышленности республики доля ручного труда составляет 48,7%, в строительстве — 61,4, в совхозах — 85,8, в колхозах — 88,8%);

ускорение темпов роста реальных доходов населения при обеспечении опережающих темпов роста производительности труда, насыщении рынка продуктами и платными услугами;

рациональное использование фондов общественного потребления для развития социальной сферы и укрепления здоровья населения, особенно детей, снижения детской смертности;

реализация жилищной программы, широкое привлечение для этого средств предприятий, учреждений, колхозов и совхозов, населения, создание льготных условий для формирования жилищных кооперативов, индивидуального строительства и создание для них специализированной строительной базы;

обеспечение социально-экономических условий для сочетания профессиональной и материнской функций женщины, особенно в сельской местности, преодоление отставания в обеспечении детскими дошкольными учреждениями, объектами здравоохранения, ускоренное развитие сферы услуг, расширение продажи современной бытовой техники и средств механизации труда в личном подсобном и домашнем хозяйстве;

повышение темпов и улучшение качества подготовки молодежи, обеспечение условий для полной ее занятости в соответствии с полученной специальностью, развития технического творчества молодежи, формирования предпосылок и стимулов для ее социальной и профессиональной мобильности.

Ускоренное развитие социальной инфраструктуры в республике позволяет привлечь дополнительно сотни тысяч человек, преимущественно женщин, при незначительных капитальных вложениях. В связи с этим целесообразно активно содействовать развитию в социальной сфере комплексных кооперативов различного типа, семейного подряда, индивидуальной трудовой деятельности.

Это требует внесения изменений в статистику — включение в число вовлеченных в общественное производство занятых кооперативной и индивидуальной деятельностью, учет произведенной в этой сфере продукции в составе национального дохода.

Более пристального изучения и внимания требует разработка мер по развитию отечественного и иностранного туризма с использованием уникальных природных и археологических памятников республики. Это тем более важно, что доходы от туризма целиком остаются в республике. Последовательное развитие туристического комплекса в Узбекистане в предстоящие годы позволит вовлечь в строительство этих объектов и их последующую эксплуатацию значительное число дополнительных трудовых ресурсов и приведет к созданию новых рабочих мест в социальной сфере.

Новых подходов требует реализация принципов размещения производительных сил республики и перестройки административно-территориального деления на основе развития межрайонной интеграции в новых формах, отвечающих современному уровню развития производительных сил, производственных отношений, самостоятельности территориальных звеньев управления. Например, между районами, предприятиями и колхозами республики могли быть развернуты устойчивые производственные и социально-культурные связи на договорной взаимовыгодной основе, предусматривающие:

создание на территории республики подсобных хозяйств крупных предприятий для систематического обеспечения населения свежими продуктами их переработки;

подготовку в ПТУ, техникумах и вузах других регионов квалифицированных кадров для республики, а также оказание помощи в повышении уровня образования, подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров, реализации научных программ.

В целях снижения излишней регламентации со стороны союзных органов по многим вопросам хозяйственного и культурного строительства необходимо минимизировать круг задач, решаемых союзными ор-

ганами, открыть простор инициативе, разнообразию опыта в деятельности республики. Осуществить в этих взаимоотношениях принцип социального распределения хозяйственных результатов. Предоставить республике право самой определять структуру расходов своих средств. Все взаимосвязи между республиками целесообразно осуществлять на основе хозяйственных договоров, планов сотрудничества, на эквивалентных началах.

Необходимо разработать программу мер, рассчитанную на минимизацию площади орошаемых земель под хлопчатником. Задача состоит в том, чтобы вывести земледелие Узбекистана из состояния монокультуры, для чего осуществить комплексную рационализацию водного хозяйства и орошаемого земледелия с целью восстановления экологического равновесия и устранения опасностей для здоровья населения.

Следует использовать расширившиеся возможности участия республики во внешнеэкономических связях для более широкого включения в систему международного разделения труда и в приграничную торговлю.

Учитывая большой удельный вес хлопкового волокна в экспортных поставках республики в страны — члены СЭВ (60—65%), целесообразно практиковать широкое создание совместных хозяйств по возделыванию хлопка-сырца, особенно в зонах освоения, и совместных предприятий по переработке хлопка-сырца, получению хлопкового масла, производству пряжи и суровья, с механизмом расчета на компенсационной основе. Это позволит привлечь валютные ассигнования стран — членов СЭВ, высевать те сорта хлопчатника, которые нужны потребителям, создавать дополнительные рабочие места как в сельском хозяйстве, так и в легкой и перерабатывающей промышленности.

Другое направление совместных производств с сопредельными странами — предприятия по переработке и сушке овощей, фруктов, винограда, изготовлению соков, паст и т. д.

Необходимо лучше использовать новый хозяйственный механизм, сочетание отраслевого и территориального планирования на основе многовариантной разработки долгосрочной схемы развития и размещения производительных сил республики с учетом изложенных выше принципов и предложений, осуществлять разработку комплексных долгосрочных планов экономического и социального развития республики с учетом развития предприятий союзного подчинения, разработать научно обоснованные методы расчетов произведенного и использованного национального дохода республики с учетом конечной продукции.

Новых подходов требует и решение проблемы развития Приаралья. Сложившаяся кризисная экологическая обстановка в Приаралье в связи со снижением уровня Арала вызвала обострение социальных и демографических проблем. Это требует разработки качественно новой схемы комплексного использования земельных и водных ресурсов бассейна Аральского моря с учетом складывающейся демографической, водохозяйственной и экологической обстановки и принятия экстренных мер по сохранению этого моря.

Вопросы экологии и охраны окружающей среды, особенно качества питьевой воды в низовьях Амударьи, и осуществления мер по борьбе с опустыниванием требуют специального рассмотрения за счет целевых капиталовложений по линии общесоюзных природоохранных мероприятий.

Одна из острых региональных проблем республики и всей Средней Азии — вовлечение быстрорастущего трудоспособного населения в общественное производство. С другой стороны, в соответствии с радикальной реформой управления для стимулирования более эффектив-

ного и рационального использования трудовых ресурсов на предприятиях, перешедших на полный хозрасчет, вводятся нормативы за использование трудовых ресурсов (в трудодефицитных районах — 300 руб. в год, в трудообеспеченных — 200). Введение этих нормативов резко усугубляет проблему занятости. Поэтому мы считаем, что введение их должно быть еще более дифференцированным с учетом региональных особенностей демографической ситуации и решения проблем занятости. В нашем регионе эти нормативы могут быть введены в первую очередь на тех участках и предприятиях, которые характеризуются тяжелыми и вредными условиями труда.

Успешное решение демографических проблем и обеспечение рациональной занятости населения Узбекистана самым тесным образом связаны с повышением роли человеческого фактора, ибо ускоренное движение вперед сегодня возможно лишь при всемерной активизации этого важнейшего фактора и повышения эффективности использования трудового потенциала страны с учетом специфики отдельных регионов и союзных республик¹.

В конечном счете разработка эффективной социальной политики требует сосредоточения внимания ученых на выявлении факторов, оказывающих влияние на глубинные процессы в области создания и укрепления семьи, миграции, обеспечения полной и рациональной занятости.

В Тезисах к XIX Всесоюзной партийной конференции ЦК КПСС поставил большие и ответственные задачи перед учеными, в частности перед Академией наук. В свете этих требований главную задачу, стоящую перед экономической наукой, мы видим в усилении влияния экономических исследований на процесс перестройки и ход реализации радикальной экономической реформы. А это требует и коренной перестройки существующей системы планирования, организации научных исследований в направлении приближения их результатов к нуждам практики, запросам самой жизни.

---

¹ См.: Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987.

И. А. МАКСУДОВ

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

Развитие хлопкового комплекса Узбекистана направлено на максимальное удовлетворение потребностей текстильной, легкой и других отраслей промышленности страны. Это — основная база общенационального продуктового комплекса АПК СССР. Республика не только экспортирует значительное количество вырабатываемого волокна, но и является основным поставщиком всех видов продукции хлопкового комплекса, включая хлопковое масло, линт, хлопкоуборочные, хлопкоочистительные и другие машины. Таким образом, эффективность ее развития отражается на экономическом росте всего единого народнохозяйственного комплекса страны.

Звеном хлопкового комплекса, связующим хлопководство с потребителями хлопковой продукции, выступает хлопкоочистительная промышленность, которая ведет заготовку, хранение, переработку хлопко-сырца и поставку продукции потребителям.

К сожалению, с конца 70-х годов дополнительные капитальные вложения в хлопководство республики перестали давать должную отдачу, из года в год снижалась рентабельность хлопководческих хо-

зайств, а хлопкоочистительная промышленность превратилась в убыточную отрасль.

Вскрытые в последние годы негативные явления в хлопководстве еще раз подтвердили, что их глубинные, наиболее живучие корни находятся и в области экономических отношений отраслей хлопкового комплекса и потребителей продукции.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС отмечено: «...Мы из опыта знаем, что именно на стыке отраслей возникают крупные народнохозяйственные проблемы. Именно здесь больше всего бывает неувязок, из-за которых несем большие потери. Но здесь же кроются и большие резервы улучшения работы»¹.

Перестройка хозяйственного механизма, осуществляемая в хлопковом комплексе, заключается прежде всего в ломке устаревших организационных форм, препятствующих широкому внедрению новых экономических методов и не позволяющих на современном уровне развития производительных сил обеспечить полное удовлетворение общественных и личных потребностей, а также единую направленность интересов партнеров по хлопковому комплексу. Это требует соответствующих организационно-экономических мер с тем, чтобы АПК управлялся, планировался и финансировался как одно целое на всех уровнях².

В последнее время здесь внедряется комплекс разнообразных мер по совершенствованию хозяйственного механизма и усилению его воздействия на повышение эффективности производства и качества хлопковой продукции.

В Узбекской ССР, начиная с урожая 1984 г., введены «Порядок и условия расчетов с колхозами и совхозами, входящими в состав агропромышленных объединений по производству и переработке хлопко-сырца, за сдаваемый хлопок-сырец в зависимости от качества и содержания в нем хлопка-волокна». Срок их действия продлен до 1990 г.

Уже в 1984—1986 гг. получены положительные сдвиги в работе как хлопкосеющих хозяйств, так и предприятий хлопкоочистительной промышленности: повысилась эффективность использования сырья, улучшились конечные результаты работы.

Однако коренного улучшения качества хлопка-сырца и особенно продукции его переработки не произошло. Поставленная цель — заинтересовать все звенья АПК в улучшении качества волокна — обеспечивается неполностью.

В соответствии с указанным порядком и условиями, стоимость хлопка-сырца с учетом волокна определяется по каждому селекционному и промышленному сорту по формуле:

$$C = \frac{Ц \times M_{\text{вф}} \times 100}{B_{\text{п}}}$$

где:

C — стоимость хлопка-сырца данного селекционного и промышленного сорта, руб.;

$Ц$ — действующая для конкретного хозяйства преysкурантная закупочная цена на хлопок-сырец данного селекционного и промышленного сорта, руб. за 1 т;

$M_{\text{вф}}$ — фактическая масса волокна, полученного при переработке хлопка-сырца данного селекционного и промышленного сорта по конкретному хозяйству, т;

$B_{\text{п}}$ — указанный в договоре контрактации плановый выход волок-

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 61.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 230.

на из хлопка-сырца по данному селекционному и промышленному сорту, %.

Очевидно, что хлопкосеющие хозяйства заинтересованы в производстве сырца с высокими закупочными ценами и выходом волокна, а при одинаковой цене для ряда разновидностей хлопчатника возделывают те селекции, у которых выше выход волокна.

Поэтому при планировании сорторазмещения недостаточно учитывается потребность легкой промышленности в хлопке-волокне по типам и селекционным сортам. При перепроизводстве одних типов волокна, как правило, с низкими технологическими свойствами, но с высоким выходом, промышленности недопоставляется волокно с ценными прядильными свойствами.

Например, ухудшается обеспечение промышленности основным хлопком-волокном V типа, необходимого для производства бытовых тканей наиболее массового спроса, потребность в котором удовлетворяется менее, чем на 70%. Сокращаются посевы хорошо зарекомендовавших себя сортов хлопчатника 108Ф, Самарканд-3, взамен которых расширяются посевы селекционных сортов АН-Баяут-2, Андижан-60. Но если выход волокна из разновидностей 108Ф, Самарканд-3 составляет около 32,6%, то из сорта Андижан-60 — 36,6%.

Аналогичный перечень можно продолжить и по селекционным сортам хлопчатника с другими типами волокна, когда они высеваются вопреки возражениям потребителей.

Решить проблему, на наш взгляд, можно путем установления более обоснованного соотношения закупочных цен на селекционные разновидности хлопка с различными типами волокна. Хлопкосеющие хозяйства должны быть материально заинтересованы в возделывании таких разновидностей хлопчатника, которые удовлетворяли бы потребности текстильной промышленности по структуре типов хлопка-волокна. Это может стать основой для перехода к закупочным ценам по конечным продуктам (хлопковое волокно, семена, линт и др.). В свою очередь, это позволит хлопкозаводам перейти на промышленную переработку давальческого сырья, усилит противозатратную направленность хозяйствования, так как появится возможность для калькулирования себестоимости не только хлопка-волокна, но и другой, так называемой побочной продукции. Это позволит также установить прямые связи между хлопкосеющими хозяйствами и предприятиями текстильной, легкой, пищевой и других отраслей промышленности.

В Индии, например, хлопок-сырец обычно продается производителями торговым организациям, которые обеспечивают его джинирование и перепродают уже в виде волокна текстильным предприятиям либо до, либо после прессования в кипы. В последнее время все чаще текстильные предприятия сами закупают хлопок-сырец и организуют его переработку³.

В США хлопкозаводы в основном принадлежат частному сектору и располагаются так, чтобы обслуживать близлежащие фермерские хозяйства, а крупные фермеры имеют свои хлопкозаводы⁴.

Хлопкоочистительные предприятия «Теннесси Джинз» гарантируют наивысшее качество хлопкового волокна во всем штате. Один из главных «секретов» руководителей предприятия — работа с хлопкоробами: «Мы стараемся убедить наших поставщиков: чем более качест-

³ Направление переработки хлопка-сырца в Индии и тонковолокнистого в США (экспресс-информации РГВЦ Госагропрома УзССР). Ташкент, 1987.

⁴ Техника и технология производства хлопка-сырца и его первичная обработка в США. Ташкент, 1977.

венный хлопок-сырец он нам поставит, тем выше будет сортность волокна, которое из него будет получено»⁵.

Выведение новых сортов хлопчатника, разработка агротехнических требований по их возделыванию, создание новой сельскохозяйственной техники, особенно для уборки урожая, служат основным критерием эффективности вариантов развития хлопководства в США.

В целях углубления агропромышленной интеграции, обеспечения единства экономического механизма хозяйствования, повышения заинтересованности колхозов, совхозов и хлопкозаводов в достижении высоких конечных результатов надо устранить все ведомственные барьеры, порождающие отрицательные явления в АПК.

В условиях осуществления радикальной хозяйственной реформы хлопководство с хлопкоочистительной промышленностью должны представлять собой единую интегрированную систему, главная цель которой — удовлетворение общественных потребностей в высококачественной хлопковой продукции.

Поскольку еще нет прямых закупочных цен на хлопок-волокно, семена, линт и другую хлопковую продукцию, важнейшим инструментом производственно-экономических отношений между хлопкосеющими хозяйствами и хлопкозаводами является плановый выход волокна. В общем случае выходы хлопковой продукции имеют многофакторную зависимость и при установлении показателей их планов подход должен быть весьма взвешенным. Здесь особенно недопустима практика их установления от достигнутого уровня.

В этой связи необходимо, чтобы РАПО шире использовало право дифференциации планов выходов волокна для подведомственных колхозов и совхозов. Причем работа эта должна проводиться на основе глубокого анализа качества заготовленного хлопка-сырца, баланса сырья и продукции с учетом угаров производства в разрезе хлопкосеющих хозяйств. Совместное рассмотрение итогов заготовки и переработки хлопка-сырца позволит выявить резервы улучшения конечных результатов работы.

Немаловажное значение в повышении взаимной ответственности партнеров в достижении лучших результатов работы имеет приведение в соответствие с требованиями экономических методов управления действующих нормативных актов, регулирующих производственно-экономические отношения колхозов, совхозов с хлопкозаводами, последних — с потребителями хлопковой продукции.

Известно, что природное качество хлопка-волокна всецело определяется сортом хлопчатника, особенностями агротехники и никакие послеуборочные мероприятия не могут его улучшить (увеличить крепость, длину, изменить тонину).

В процессе же хранения хлопка-сырца качество волокна и семян может ухудшиться, в основном из-за повышенной влажности. ГОСТ запрещает приемку хлопка-сырца с засоренностью и влажностью выше установленных предельных норм. Но в целом по республике принимается около 50% общего объема заготовки сырца с повышенной влажностью и засоренностью. Такое положение складывается как по субъективным, так и по объективным причинам.

Казалось бы, в этой ситуации хлопкосеющие хозяйства должны производить полевую сушку и очистку собранного хлопка-сырца, но у них нет сушильно-очистительных цехов. В этой связи типовым договором контрактации хлопка-сырца хозяйства обязаны выделять рабочих в распоряжение заготовительного пункта на период заготовки и подработки хлопка-сырца в сушильно-очистительных цехах (СОЦ).

⁵ Новое в хлопкоочистительной промышленности США (экспресс-информация РГВЦ Госагропрома УзССР), Ташкент, 1986.

Практически для эксплуатации СОЦ рабочих выделяется совершенно недостаточно, что не позволяет резко повысить эффективность использования мощностей сушильно-очистительного оборудования на заготовительных пунктах. Это приводит к потерям, которые при существующей системе учета и отчетности невозможно полностью оценить в количественном и денежном выражениях, так как сорт хлопка-сырца на хлопкозаводе принимается по данным заготовительных пунктов.

Вопрос остается открытым и при взаиморасчетах за сдаваемый хлопок-сырец в зависимости от его качества и содержания в нем волокна, ибо нет еще механизма, способного поднять ответственность партнеров за обеспечение сохранности качества заготовленного сырца.

Снижение качества хлопка-сырца при хранении оборачивается огромными потерями товарной продукции из-за переходов волокна и семян в пониженные сорта. Кроме того, приемка и переработка хлопка-сырца, особенно тонковолокнистого, с повышенной влажностью и засоренностью также приводит к потерям уже не только по крепости, но и по сумме пороков волокна. Так, при превышении предельно допустимых норм суммы пороков и засоренности волокно остается в своем сорте, но отгружается по цене того сорта, в предельные нормы которого оно укладывается по фактическому качеству.

Известно, что наибольшие потери допускаются из-за длительного хранения хлопка-сырца низких сортов с высокой влажностью и засоренностью, который подвержен самосогреванию. Наиболее радикальная мера по сохранению качества такого сырья — скорейшая его переработка. В этой связи планирование выпуска хлопковой продукции в разрезе кварталов года необходимо осуществлять в соответствии с потребностью текстильной промышленности. При переводе же предприятий Минлегпрома СССР на полный хозрасчет они заинтересованы в получении волокна в I квартале — 30%, II — 25%, III — 15% и в IV — 30% годовой потребности.

Приведение в соответствие выпуска и потребления волокна позволит увеличить переработку низкосортного сырья в IV квартале. Ныне же на IV квартал приходится более 40% объема годового выпуска хлопкового волокна, что приводит к переработке сырья высокого ассортимента в ущерб сохранности хлопка-сырца низких сортов.

Проблема резкого улучшения качества хлопка-сырца и продукции его переработки приобретает особую остроту в связи с переходом предприятий промышленности на госприемку. Государственная приемка контролирует правильность проведения предприятием входного контроля с целью проверки качества покупных изделий, сырья и полуфабрикатов, идущих на укомплектование и изготовление продукции⁶.

При современном уровне качества хлопка-сырца и хлопковой продукции необходимо провести всестороннюю подготовительную работу в АПК республики, имея в виду, что хлопкосеющие хозяйства, в отличие от колхозов и совхозов продовольственной специализации, лишены достаточной гибкости в экономическом развитии.

Осуществление радикальной реформы механизма хозяйствования обретает особую остроту в связи с переходом предприятий Госагропрома республики на полный хозяйственный расчет. Поэтому совершенствование взаимоотношений колхозов и совхозов с хлопкозаводами должно быть направлено на повышение взаимной ответственности по договорным обязательствам, разработку методов более точного опре-

⁶ Положение по организации Государственной приемки. М., 1986. С. 8.

деления количества и качества перерабатываемого сырца, а также взаиморасчетов за принятый хлопок, определение наиболее рациональных форм производственно-экономических связей между сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью как составных, органически взаимосвязанных частей АПК.

В. В. ШАФИР

О РАСШИРЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ НЕДР

(На примере республик Средней Азии и Казахстана)

Ныне, на этапе обновления социализма, объективно и неуклонно возрастает роль Советов народных депутатов во всех сферах социально-экономической, политической и духовной жизни советского общества. Выступая на XIX Всесоюзной партийной конференции, М. С. Горбачев отметил: «Жизнь ставит перед нами со всей остротой задачу возродить полномочия Советов народных депутатов, и полумерами здесь не обойтись. Нужно подойти к проблеме комплексно и решить ее кардинально»¹. По мере продвижения общества по пути перестройки, Советы постепенно возвращают себе реальные властные полномочия, усиливают свое регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений.

В числе первоочередных задач XIX партконференция определила активизацию усилий по охране природной среды, кардинальному улучшению экологической обстановки в стране. На это же нацеливает Советы и постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 7 января 1988 г. «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». В частности, постановление предусматривает обязанность Советов считать одним из главных направлений природоохранительной деятельности полное и комплексное использование минерально-сырьевых ресурсов, усиление требовательности к хозяйственным руководителям, не обеспечивающим своевременное и качественное осуществление природоохранительных мероприятий, широко используя при этом свои полномочия². В свете поставленной задачи, естественно, возникает вопрос о компетенции Советов в области использования и охраны недр, точнее о проблемах, существующих в данной сфере.

Кодексы о недрах (КОН) всех союзных республик посвящают вопросам компетенции Советов всех уровней: от областных (краевых), до поселковых, сельских, аульных — специальные статьи. Различия в содержании их в ряде случаев довольно существенные, а некоторые положения вызывают серьезные возражения и по форме, и по существу.

Так, ст. 10 КОН УзССР, определяя компетенцию областных, Ташкентского городского Советов народных депутатов в сфере использования и охраны недр, указывает, что они «в пределах и в порядке, установленных настоящим Кодексом и другими законодательными актами, осуществляют государственный контроль в области использования и охраны недр; участвуют в планировании охраны недр и рационального использования минеральных ресурсов; предоставляют недра для захоронения вредных веществ и отходов производства, сброса сточных вод, а также решают в пределах своей компетенции другие вопросы в области использования и охраны недр».

¹ Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки: Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС// Правда. 1988. 29 июня.

² СП СМ УзССР за апрель 1988 г. Ташкент, 1988. С. 70—71.

КОН других союзных республик определяют компетенцию областных Советов несколько иначе и, как правило, конкретнее и шире. Так, ст. ст. 8 КОН ТаджССР, ТуркмССР и КиргССР предусматривают, что ведению исполнительных комитетов областных Советов подлежит и «определение исполнительного комитета районного (городского) Совета народных депутатов, который вправе предоставить горный отвод для разработки месторождений общераспространенных полезных ископаемых, залегающего в пределах двух или более районов (городов)».

По ст. 8 КОН КазССР, областные Советы народных депутатов и их исполнительные комитеты «определяют порядок пользования предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами в пределах предоставленных им земельных участков недрами для своих хозяйственных и бытовых нужд, не связанных с добычей полезных ископаемых».

Такую конкретизацию компетенции областных Советов мы считаем целесообразной, ибо она касается немаловажных хозяйственных вопросов и прав юридических лиц, а также граждан по использованию предоставленных им земельных участков для практического удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд.

Положение ст. 8 КОН КазССР о том, что областные Советы и их исполнительные комитеты «устанавливают областные планы охраны недр и рационального использования минеральных ресурсов», представляется нам более правильным, чем указание ст. 10 КОН УзССР, ст. ст. 8 КОН ТуркмССР, ТаджССР и КиргССР о том, что исполкомы областных Советов лишь принимают «участие в планировании...» Областные Советы разрабатывают и утверждают планы социально-экономического развития областей, а составными частями этих планов являются разделы, касающиеся использования и охраны природных ресурсов. Таким образом, практически они действительно «устанавливают областные планы охраны недр», а не просто «участвуют» в планировании соответствующих мероприятий. Формулировка «участие в планировании» фактически принижает роль и компетенцию областных Советов и по существу не отвечает их положению и правомочиям, определенным ст. ст. 145—148 Конституции СССР.

Не соответствует нормам этих статей, а также Законам СССР и союзных республик о статусе областных Советов упоминание в ст. ст. 8 КОН ТаджССР, ТуркмССР и КиргССР лишь об исполнительных комитетах областных Советов. Вопросами пользования и охраны недр правомочны заниматься и на деле занимаются не только исполнительные комитеты, но и непосредственно сами областные Советы (на их сессиях, в практике работы их комиссий, депутатов и др.). Поэтому правильно поступили составители КОН УзССР (см. ст. 10) и КазССР (см. ст. 8), определяя компетенцию в сфере использования и охраны недр «областных Советов народных депутатов и их исполнительных комитетов». Мы усматриваем здесь разницу не редакционного, формального, а принципиального порядка, особенно сейчас, когда решительно поставлен вопрос о недопустимости подмены местных Советов их исполнительными органами.

Конституции СССР, союзных и автономных республик, соответствующие Законы о статусе Советов определяют прежде всего полномочия самих Советов и — как производные от них — компетенции исполнительных и распорядительных органов этих Советов. Не случайно ст. ст. 145—148 Конституции СССР определяют, что органами государственной власти на местах являются Советы народных депутатов, и, характеризуя их полномочия, вообще не упоминают об исполнительных комитетах. Это наглядно подтверждает, что функции последних производны от полномочий самих Советов.

Ст. 11 КОН УзССР, определяя компетенцию районных (городских) Советов в области использования и охраны недр, указывает, что они «в пределах и порядке, установленных настоящим Кодексом и другими законодательными актами, осуществляют государственный контроль в области использования и охраны недр; предоставляют горные отводы для разработки месторождений общераспространенных полезных ископаемых; осуществляют контроль за соблюдением установленного порядка ведения работ и приведением земельных участков в состояние, пригодное для использования их по назначению; разрешают споры по вопросам пользования недрами, а также решают в пределах своей компетенции другие вопросы в области использования и охраны недр».

На наш взгляд, учитывая значимость планирования в любом аспекте многогранной деятельности местных Советов, в любой сфере социально-экономического развития, в ст. 11 КОН УзССР следовало бы прежде всего указать, что районные (городские) Советы и их исполнительные комитеты участвуют в планировании охраны недр и рациональном использовании минеральных ресурсов, как это сказано в ст. ст. 9 КОН ТуркмССР и КиргССР (см. также ст. ст. 9 КОН ТаджССР и КазССР).

Вообще надо отметить, что КОН других союзных республик раскрывают компетенцию районных (городских) Советов в рассматриваемой сфере более детально, чем КОН УзССР.

Так, по ст. 9 КОН КиргССР, ведению районных (городских) Советов подлежат также прекращение права пользования недрами в предусмотренных Кодексом случаях и «прекращение самовольного пользования недрами и самовольной застройки площадей залегания общераспространенных полезных ископаемых» (см. также ст. ст. 9 КОН ТуркмССР, ТаджССР); по ст. 9 КОН КазССР,— принятие «решения о лишении в установленном порядке предприятий, учреждений, организаций и граждан права добычи в пределах предоставленных им земельных участков общераспространенных полезных ископаемых, торфа и пресных подземных вод»; по ст. 9 КОН ТаджССР,— «определение в необходимых случаях сроков начала и места геолого-съёмочных, геодезических и других изыскательских работ, осуществляемых соответствующими предприятиями, организациями и учреждениями на территории района (города)».

Как видим, законодатели ряда союзных республик стремились максимально детализировать компетенцию районных (городских) Советов в рассматриваемой сфере.

Ст. 12 КОН УзССР посвящена компетенция поселковых, кишлачных и аульных Советов по государственному управлению в области использования и охраны недр. Согласно этой статье, указанные Советы «наблюдают за правильной разработкой месторождений общераспространенных полезных ископаемых, использованием пресных подземных вод; обеспечивают проведение работ по упорядочению и озеленению карьерных разработок и отвалов; выявляют дополнительные ресурсы общераспространенных полезных ископаемых, пресных подземных вод и в необходимых случаях вносят в вышестоящие органы предложения об их использовании, а также решают в пределах своей компетенции другие вопросы в области использования и охраны недр».

Аналогичная ст. 10 КОН ТаджССР упоминает также о выявлении дополнительных ресурсов торфа, но не упоминает об использовании пресных подземных вод. В ст. 10 КОН КиргССР упомянуты и торф, и подземные воды. Ст. 10 КОН ТуркмССР трактует компетенцию сельских и поселковых Советов слишком лаконично, упоминая конкретно:

«1) наблюдение за правильной разработкой месторождений общераспространенных полезных ископаемых,

2) выявление дополнительных ресурсов общераспространенных полезных ископаемых и внесение в необходимых случаях предложений об их использовании в вышестоящие органы».

Наиболее оптимальными нам представляются положения ст. 10 КОН КазССР, указывающей, что «поселковые, сельские и аульные Советы народных депутатов и их исполнительные комитеты в соответствии с законодательством Союза ССР и Казахской ССР осуществляют государственный контроль в области использования и охраны недр; наблюдают за соблюдением землепользователями установленного порядка пользования недрами для своих хозяйственных и бытовых нужд; выявляют дополнительные ресурсы общераспространенных полезных ископаемых, торфа и пресных подземных вод и, в необходимых случаях, вносят предложения об их использовании в вышестоящие органы; решают другие вопросы в области использования и охраны недр в пределах своей компетенции».

Принципиально важно здесь указание на то, что поселковые, сельские, аульные Советы и их исполкомы также осуществляют в пределах своей компетенции государственный контроль в рассматриваемой области, что полностью отвечает конституционным положениям, относящим, как известно, к органам государственной власти все Советы народных депутатов, в том числе действующие в поселках и сельских населенных пунктах (см. ст. 145 Конституции СССР). Важно и то, что ст. 10 КОН КазССР, как и ст. 12 КОН УзССР, говорит о компетенции не только исполнительных комитетов, но прежде всего самих поселковых, сельских, аульных Советов. Отсутствие в ст. ст. 10 КОН ТаджССР, ТуркмССР и КиргССР упоминаний о самих Советах, а в ст. 12 КОН УзССР — о том, что они осуществляют государственный контроль в области использования и охраны недр, мы считаем их существенными пробелами.

Итак, краткий сравнительный анализ статей КОН республик Средней Азии и Казахстана, регулирующих компетенцию Советов народных депутатов в области использования и охраны недр, позволяет выявить не только ряд существенных расхождений между этими нормами. Мы видим, что общая тенденция недооценки роли и значения Советов во всех сферах государственной и общественной жизни, имевшая место в период застоя, отразилась и в законодательстве. Тот факт, что КОН ряда союзных республик в соответствующих статьях трактуют о компетенции исполнительных комитетов, а не Советов, может служить своеобразной иллюстрацией того, как органы государственного управления «подминают» органы государственной власти и получают при этом законодательную поддержку.

Сравнительное изучение того, как республиканские Кодексы о недрах определяют компетенцию Советов всех уровней в исследуемой области, дает также основание прийти к выводу, что этот круг полномочий явно недостаточен, он не соответствует требованиям времени, не отвечает в полном объеме потребностям практики. В частности, речь идет о компетенции Советов народных депутатов по государственному контролю за использованием и охраной недр. КОН всех союзных республик (ст. 83 КОН УзССР, ст. 73 КОН КиргССР и т. д.) определяют, что Советы народных депутатов и их исполнительные и распорядительные органы осуществляют государственный контроль в области использования и охраны недр в соответствии с законодательством Союза ССР и соответствующей союзной республики. Никаких иных указаний по данному вопросу КОН союзных республик не содержат. Ни в одном из нормативных актов, касающихся деятельности Советов, данный вопрос не регулируется. Законы союзных республик о местных Со-

ветах ограничиваются общим указанием, что они «осуществляют государственное управление (государственный контроль) в области использования и охраны недр»³.

Между тем практика накопила немало претензий к Советам именно в связи с проблемой использования и охраны недр. Не случайно упомянутое постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 7 января 1988 г. констатировало: «Не меняют отношения к охране природы и не перестроили свою деятельность в свете современных требований партии и правительства исполкомы местных Советов народных депутатов. Большинство из них по существу не занимается этой работой, не координирует природоохранную деятельность предприятий и организаций, не пресекает противозаконных, неоправданных вторжений в экологические системы, не использует предоставленные им права и полномочия, занимает примиренческую позицию к нарушителям природоохранительного законодательства»⁴.

Видимо, назрела необходимость в законодательном урегулировании компетенции Советов и их исполкомов в области контроля за использованием и охраной недр. При этом, на наш взгляд, целесообразно определить следующие вопросы:

- а) в каких формах Советы и их исполкомы осуществляют данный контроль;
- б) какими полномочиями обладают Советы и их исполкомы при осуществлении этого контроля;
- в) какие меры воздействия вправе применять Советы и их исполкомы к нарушителям соответствующих правил и норм;
- г) порядок обжалования решений Советов и их исполкомов по данному вопросу.

Вполне возможно, что законодателю придется урегулировать и другие аспекты проблемы, однако вопрос о расширении компетенции Советов в области использования и охраны недр — не умозрительное предположение, а серьезная государственно-правовая задача.

Следует в то же время подчеркнуть, что законодательное разрешение поставленной проблемы — лишь одна сторона дела. Существует и другая, более важная грань исследуемого вопроса — практическая реализация предписаний закона в повседневной деятельности Советов и их исполкомов. В конце концов включение в КОН союзных республик еще одной или нескольких норм само по себе не гарантирует, что ситуация начнет меняться в лучшую сторону, тем более, что даже имеющиеся права и полномочия местные Советы пока фактически не используют. Практика неоднократно подтверждала старую истину, что одно лишь наличие законодательной нормы не способно влиять на реальное положение вещей. Наше законодательство и без того перегружено чрезмерным количеством декларативных норм, наличие которых лишь подрывает авторитет закона в глазах широких слоев населения, ведет к обесцениванию самого понятия социалистического права, усиливает нигилистическое отношение к соблюдению законности и правопорядка. Право, не опирающееся на экономический интерес субъектов, на которых оно распространяет свое регулирующее воздействие, — не более чем декларация. Не потому ли «висят в воздухе» многие прекрасные правовые нормы (в первую очередь — в сфере эко-

---

³ См., напр.: Закон Узбекской ССР от 12 ноября 1980 г. «Об областном Совете народных депутатов Узбекской ССР»//Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР. 1980. № 32. Ст. 20; Закон Узбекской ССР «О районном Совете народных депутатов Узбекской ССР»//Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР. 1980. № 9. Ст. 16; и др.

⁴ СП СМ УзССР за апрель 1988 г. С. 69.

номики), что сегодня нарушать эти нормы экономически выгоднее, чем соблюдать?

Под этим углом зрения мы и рассматриваем вопрос о законодательном расширении компетенции Советов и их исполкомов. В самом деле, что сулит Советам всех уровней такое расширение? Не отрываясь от реальности, следует признать, что Советы (и их исполкомы), загруженные текущей работой, воспримут такое расширение их прав только в одном аспекте — как расширение круга их обязанностей, как еще одну «нагрузку». Последствия такого отношения предугадать нетрудно — соответствующие нормы останутся на бумаге, а Кодексы о недрах пополнятся еще несколькими декларативными нормами.

Каким видится выход из создавшейся ситуации (с учетом того, что законодательно расширять компетенцию Советов все-таки необходимо)?

Общие контуры изменения существующего положения намечены в решениях XIX Всесоюзной партконференции, где предусматривается необходимость установления полной ответственности и самостоятельности Советов в решении проблем развития подведомственной территории. Для реализации поставленной задачи следовало бы, по нашему мнению, освободить Советы и их исполкомы от массы второстепенных вопросов. Сегодня Советы стремятся руководить всеми без исключения сферами государственной, хозяйственной, социально-культурной жизни. По сути дела, они пытаются «объять необъятное» и тонут в пучине больших и малых дел. Советы просто физически не в состоянии качественно, по существу решать такой объем проблем, что вызывает справедливые нарекания трудящихся, не говоря уже о том, что перегруженность текущей работой привела к разбуханию аппарата исполкомов, бюрократизации их деятельности.

Альтернативой такому положению дел могут стать развертывающаяся сеть кооперативов, расширяющаяся индивидуальная трудовая деятельность, способные взять на себя решение многих проблем, которыми сегодня озабочены Советы и их исполкомы. Этот путь полностью согласуется с курсом на развитие всех форм социалистического самоуправления народа, с целесообразностью полной или частичной передачи отдельных функций государственных и советских органов тем или иным самоуправляемым организациям. Советы же должны быть сориентированы на узловые, приоритетные направления социально-экономической, политической и духовной жизни (разумеется, что сфера контроля за использованием и охраной недр должна входить в эти главные направления, равно как и вообще все вопросы охраны окружающей природной среды). Таким образом, речь идет о необходимости изменения функций Советов, что подчеркивалось на XIX Всесоюзной партийной конференции.

Надо коренным образом изменить и порядок взаимоотношений между Советами и находящимися на их территории горнодобывающими предприятиями. Местные Советы и их исполкомы осуществляют государственный контроль за использованием и охраной недр, следовательно, и за тем, как горнодобывающие предприятия соблюдают законодательство о недрах. Однако эти предприятия нарушают горное законодательство повсеместно и систематически, игнорируя местные органы власти. В свою очередь, местные Советы не проявляют активности в данном вопросе, не используют имеющиеся полномочия, предпочитают «не ссориться» с предприятиями-нарушителями, за спиной которых стоят весьма влиятельные министерства и ведомства. Положение ст. 20 Закона СССР о государственном предприятии (объединении) о том, что «в своей работе по охране окружающей природной среды и использованию природных ресурсов предприятие подконтрольно местному Совету народных депутатов», остается декларативным из-за отсутствия

четкого механизма, гарантирующего практическое воплощение требований закона в повседневной деятельности и Советов, и предприятий.

Таким образом, расширение компетенции местных Советов в области использования и охраны недр — проблема сложная и многогранная. Вопрос этот выходит за рамки собственно законодательства о недрах и вторгается в сферу советского строительства и хозяйственного права. Будучи проблемой комплексной, она нуждается и в комплексном разрешении. Только взаимодействие, координация нескольких отраслей права могут обеспечить эффективное расширение компетенции местных Советов в области использования и охраны недр, только при таких условиях соответствующие полномочия Советов и их исполкомов станут реальностью и будут давать предусмотренный законом эффект.

ЛЕ ВИНЬ КУОК

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ УзССР
В КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СССР С СРВ

(Литературные связи)

Из года в год крепнет и развивается культурное сотрудничество между СССР и Социалистической Республикой Вьетнам. Подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ (ноябрь 1978 г.) определило новые горизонты развития культурного сотрудничества между Вьетнамом и братскими народами Советского Союза.

Особенно быстро расширяются литературные связи между нашими странами. На вьетнамский язык переведено уже более 750 произведений русской классики и советской литературы¹. За послевоенные годы в СССР издано свыше 300 произведений вьетнамской литературы общим тиражом более 15 млн. экз.²

В последнее время вьетнамские переводчики все чаще обращаются к литературе Советского Узбекистана. Объясняется это главным образом тем, что Вьетнам идет к социализму, минуя капиталистический этап развития, как это сделал когда-то Узбекистан, и творческий учет опыта узбекского народа нужен вьетнамскому народу в его борьбе за новую жизнь.

Правда, переводы произведений писателей Советского Узбекистана выполнены не с языка оригинала, а с русского, французского или английского языка, но тем не менее они играют большую роль в ознакомлении вьетнамского читателя с жизнью узбекского народа, отраженной в литературе Советского Узбекистана.

Так, большой популярностью среди вьетнамских читателей пользуются произведения Абдуллы Каххара. Еще в 1961 г. Хоай Зыонгом и Ан Сюеном была переведена на вьетнамский язык его лирическая комедия «Шелковое сюзане» («На новой земле»). Выбор этот не случаен. Выраженный в пьесе Абдуллы Каххара пафос самоотверженного труда вдохновляет вьетнамских юношей и девушек на борьбу за освоение целины в горных районах страны.

В начале 60-х годов Тьен Ки и Н. Т. Ш. была переведена на вьетнамский язык повесть А. Каххара «Птичка-невеличка». Книгу выпустило издательство «Фу ны» («Женщина»).

«Абдулла Каххар, можно сказать,— один из основателей жанра повести в узбекской литературе,— говорится в предисловии к книге.— Повесть «Птичка-невеличка», написанная им в конце 1958 года, показывает нам рост сознания молодой девушки из узбекского народа, которой было поручено нелегкое задание — она становится секретарем парторганизации знаменитого колхоза, председатель которого — тоже знаменитый человек, кроме того, ровесник ее отца. Имеющий большие

¹ Нгуен Хай Ха. Ань хьонг то лон куа ван хок со-вьет о Вьет Нам (Большое влияние советской литературы во Вьетнаме)//Гап ти ван хок (Литературный журнал). 1987. № 5. С. 15—16.

² Интернациональное сотрудничество КПСС и КПВ: история и современность. М., 1987. С. 288.

успехи в работе и богатый опыт, он очень высокомерен и не может терпеть, даже мысленно, что женщины могут руководить мужчинами, более того, им.

Но благодаря помощи парторганизации и собственным стараниям она сумела завоевать поддержку колхозников, изменить положение в колхозе и помочь председателю исправить ошибки. Мы можем найти здесь ответ на вопрос, как преодолеть психологию робкости, неуверенности в себе среди женщин, стоящих перед новыми, трудными задачами, поставленными революцией»³.

О глубине интереса вьетнамской общественности к произведению замечательного узбекского писателя свидетельствует тот факт, что за короткий период — до 1978 г. — повесть выдержала четыре издания.

В 1967 г. издательством «Ван хок» («Художественная литература») был выпущен сборник избранных рассказов советских писателей «Смерть старого рыбака» (в двух томах). Во второй том вошли рассказы писателей Советского Востока, среди них и рассказ «Синий конверт» Абдуллы Каххара. И снова вьетнамские читатели получили возможность познакомиться с близкими им образами замечательных узбекских девушек и юношей, как Латифа Гулямова и Иркабай Мирзаев, с образом советского народа, всемерно поддерживавшего свою армию в борьбе с фашистскими агрессорами. Эти образы вдохновляли патриотов Вьетнама в их борьбе против агрессии США.

В конце книги помещено приложение, в котором приведены краткие данные об авторах, их жизни и творчестве. В биографии Абдуллы Каххара подчеркнуты большая роль его в развитии жанра рассказа в современной литературе Советского Узбекистана и его сатирическое дарование.

Во Вьетнаме хорошо известно о семье Шамахмудовых, которая воспитала 15 детей разных национальностей, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны из прифронтовой полосы. Подвиг ташкентского кузнеца Шахмеда-ака и его жены Бахрихон служит для вьетнамского народа примером подлинного интернационализма и благородства.

В 1973 г. на вьетнамский язык был переведен роман Рахмата Файзи «Его величество Человек», познакомивший читателей Вьетнама с теплотой, человечностью, прекрасными качествами души узбекского народа через художественные образы Махкама-ака и его жены Мехринисы. Книга Рахмата Файзи получила в переводе новое название — «Золотое сердце» («Тем лонг ванг»). «Золотым сердцем» называют во Вьетнаме доброго человека, готового отдать все ради счастья других. Перевод осуществлен Нгуен Тхюй Ынгом, ранее переводившим произведения М. А. Шолохова «Тихий Дон», «Судьба человека», «Они сражались за Родину». Роман Р. Файзи был выпущен издательством «Фу ны» в честь II съезда Союза вьетнамских женщин, состоявшегося в начале 1974 г.

«Можно сказать, что роман является песней об отношениях между членами социалистической семьи, песней об освобожденной женщине, — пишет Нгуен Тхюй Ынг в предисловии к роману. — Если мы знаем, что 50 лет тому назад узбекская женщина полностью зависела от мужа, не имела никаких прав в обществе и каждый раз, когда она выходила из дома, вынуждена была носить черную завесу, закрывавшую ее лицо, тогда мы представляем себе, какого прогресса достигла узбекская женщина при социалистическом обществе».

Далее переводчик отмечает: «Вместе с тем роман является и

---

³ Абдулла Каххара. Тим нон ше лон (Птичка-невеличка). Ханой, 1978. С. 5—6. Переводы, под которыми не указаны переводчики, принадлежат автору статьи.

песней о воспитании детей... Не случайно, что в романе один персонаж напоминает о Макаренке, когда говорит о Мехринисе и ее муже».

«Подвиг Мехринисы и ее мужа,— пишет Нгуен Тхюй Ынг,— показан автором не изолированно от народного подвига, а как его органическая часть. В этом удачный подход автора к теме ...Достоинство романа заключается в верности позиции, важности и актуальности темы, умелом владении материалом и мастерстве повествования»⁴.

Грандиозные изменения, происшедшие в жизни узбекского народа после победы Октября, вызывают глубокий интерес вьетнамской общественности. В 1974 г. Ле Ван Кюй обращается к переводу романа узбекского прозаика Аскада Мухтара «Сестры», в котором повествуется о жизни рабочих Узбекистана, героическом пути узбекского народа к социалистической революции, борьбе женщин против косных традиций, принижающих их человеческое достоинство. Выбор романа не случаен. Судьба женщины волновала и волнует классиков и современных писателей Вьетнама и Узбекистана, и эта тема — одна из важных в литературе обеих стран, где еще проявляются разные предрассудки в отношении к женщинам. Вместе с тем опыт узбекского писателя в раскрытии темы рабочего класса очень нужен вьетнамским литераторам, для которых проблема изображения жизни рабочих весьма актуальна. Недаром роман А. Мухтара выпущен издательством «Лао донг» («Труд») большим тиражом.

Великая победа весной 1975 г. и воссоединение страны открыли новую главу в истории революционной борьбы вьетнамского народа. Перед вьетнамской литературой встали новые задачи.

«Социалистическая литература и искусство должны, проявляя творческий подход, добиваться создания прекрасных высокохудожественных образов нового общества, нового человека в его производственной деятельности, борьбе, труде и учебе, отражать борьбу за полную победу строительства социализма и защиту социализма»,— говорится в резолюции VI съезда Коммунистической партии Вьетнама (декабрь 1976 г.).

Надо, подчеркивается далее в резолюции, «не только воспевать нового человека, хорошие дела, но и подвергать суровой критике негативные явления в жизни, пережитки буржуазной, феодальной, колониальной и неоколониалистской культуры и искусства»⁵.

В 1978 г. появляется перевод Ле Кхань Чыонгом еще одного произведения узбекской литературы — романа «Ураган» Джонрида Абдуллаханова, повествующего о жизни и труде интеллигенции рабочего класса Советского Узбекистана, о борьбе между преданными науке людьми, как инженеры Махидиль и Данияров, и такими карьеристами, лжеучеными, как Хашим Балтабаев.

В связи с заседанием Правления Ассоциации писателей Азии и Африки в г. Хошимине (октябрь 1982 г.) были опубликованы в еженедельнике «Ван нге» («Литература и искусство») переводы рассказа Уткура Хашимова «Счастье» и литературно-критической статьи Сарвара Азимова «Красное знамя освещает весь мир».

В 1987 г. по случаю празднования 70-летия Великого Октября в издательстве «Дананг» вышла в переводе Ле Тхань Хыонг книга «Завещаю тебе» ташкентского писателя Вильяма Александрова. В книгу включены его повести «Яшка» и «Завещаю тебе». В предисловии даны краткие сведения о жизни и творчестве автора. «Может быть,— отмечается в предисловии,— противоречия, воспроизведенные в произведениях Вильяма Александрова, не достигли большой остроты, однако его книги всегда в высшей степени отличаются глубиной и современностью

⁴ Рахмат Файзи. Тэм лонг ванг (Золотое сердце). Ханой, 1973. С. 6—8.

⁵ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977. С. 442.

содержания. Вильям Александров не боится заглянуть в душу человека, исследовать, раскрывать в ней то, что другие, может быть, и не видели, не заметили бы... Все творчество Вильяма Александрова говорит нам: надо сохранить веру в жизнь, делать ее прекраснее своим жизненным поведением»⁶.

К юбилею Октября издательство «Ханой» выпустило также книгу Пиримкула Кадырова «Алмазный пояс», переведенную с русского языка на вьетнамский Тхай Ха и Ву Динь Бинем.

По сравнению с прозой стихи поэтов Узбекистана еще мало переводятся на вьетнамский язык. В 1974 г. в журнале «Фу ны Вьет нам» («Вьетнамские женщины») были опубликованы стихи поэтессы Зульфийи в переводе известного поэта Суан Зьеу (стихотворение «Теплота»). В 1980 г. в связи с празднованием 35-летия Победы над немецкими фашистами в еженедельнике «Ван нге» был опубликован ряд произведений поэтов Советского Востока, среди них — стихотворение «На пути к Берлину» Уйгуна, а в 1982 г. — к 65-летию Великого Октября было опубликовано стихотворение Зульфийи «Вода течет рядом с нами». В 1984 г. на страницах журнала «Ван нге куан дой» («Литература и искусство армии») появились переводы двух стихотворений Эркина Вахидова — «Звезда» и «День и ночь».

Посещение Советского Узбекистана дает возможность писателям Вьетнама непосредственно познакомиться с жизнью и культурой узбекского народа. Нонг Куок Тянь, Хоай Тхань, Фам Хюй Тхонг, Во Хюй Там, Буй Хиен, То Хоай, Хоанг Чунг Тхонг, Нгуен Нгок, Ле Ван Тхао, Доан Ван Кы, Фан Ты, Тху Бон, Банг Вьет, Нгуен Киен, Донг Чинь, Хай Хо, Фам Тиен Зуат, Буй Минь Куок, То Ньуан Ви, Динь Куанг Ня. Хьу Май, Суан Зьеу, Тхай Ба Тан — таков неполный список вьетнамских писателей, посетивших Узбекистан в разные годы. Встречи мастеров слова Вьетнама и Узбекистана взаимообогащают их творческий опыт.

Прозаики Вьетнама опубликовали ряд дневников, очерков, рассказов об Узбекистане: «Ташкентские записи» (1961) Буй Хиена, «Я посетил страну Ленина» (1967) Фан Ты, «Самаркандские цапли» (1968) То Хоая, «От Самарканда...» (1981) То Ньуан Ви и т. д.

В своих произведениях они искренне радуются достижениям братского народа. Прогулки по улицам Ташкента, поездки в Самарканд, Бухару служат для них практической школой для изучения тех ленинских идей, которые уже претворены в жизнь страны, условия которой во многом близки к условиям жизни Вьетнама.

В своих записях Буй Хиен подробно описывает Ташкент с его улицами, базарами, скверами, фонтанами, людьми, с их одеждой, обычаями. Его внимание привлекают, однако, не столько экзотические для вьетнамца наряды, сколько достижения братского народа в строительстве новой жизни. Описание Ташкента и колхоза «Звезда Востока» органически связаны с повествованием об изменениях в жизни узбекских женщин и мужчин, об их трудном и героическом пути борьбы за свободу. В записях Буй Хиена воспроизведена и узбекская сказка.

Рассказ для детей «Самаркандские цапли» То Хоая начинается с лирических строк, посвященных описанию Самарканда с его экзотическими чертами. Это создает нужную атмосферу для перерастания рассказа в своеобразную сказку, увлекательную беседу между автором и цаплей, в котором словами цапли выражаются чувства солидарности советского, узбекского народа с борьбой вьетнамского народа против агрессии США.

В очерках «Я посетил страну Ленина» Фан Ты и «От Самарканда...» То Ньуан Ви, в частности, рассказывается о посещении автора-

⁶ Александров В. Де лай тьо ем (Завещаю тебе). Дананг, 1987. С. 4.

ми Узбекистана, отражаются чувство солидарности узбекского народа с борьбой вьетнамского народа за новую жизнь и восхищение гостей достижениями узбекских друзей. Внимание То Ньуан Ви особо привлекает забота социалистического государства об охране культурных памятников прошлого.

Пожалуй, самым ранним из произведений вьетнамских авторов об Узбекистане является стихотворение «Под сенью винограда» поэта народности тай Нонг Куок Тян, написанное им на языке тай и переведенное им же на вьетнамский язык еще в 1951 г. Эти простые, безыскусные стихи пронизаны искренностью чувств поэта, его радостью успехам друзей, верой в грядущую победу сражавшегося тогда с французскими колонизаторами Вьетнама.

В 1970 г. Нонг Куок Тян вновь посетил Узбекистан. Его стихотворения «На вершине башни в Бухаре» и «Разговор со строителями Самарканда» носят интеллектуальный характер:

«Нашей планеты стремительный бег
вам завещал познавать Улугбек.
Зодчих мечтания, радость труда
вы воплощаете в города.

Есть в красоте голубых куполов
неба бездонность, округлость плодов,
платьев нарядных искрящийся шелк,
щедрость народа с открытой душой»⁷.

В стихотворениях «Ташкентская весна» (1968), «Люблю Ташкент» (1981), «Бухара» (1986) Минь Ле, «Ташкент! Ташкент!» (1980) Донг Чиня и «Ташкент» (1986) Нгуен Динь Хонга поэты выражают свою любовь к городу, ставшему символом мира и дружбы народов:

«Дорогой Ташкент! Покидаю тебя сегодня,
Но мое сердце остается с тобой.
Теперь я понял, почему ты стал мифом.
Ты окружен чувством братства союзных республик.
На твоей земле вечно звучит теплый, живой голос Ленина»⁸,

— так пишет Донг Чинь, связывающий успехи Узбекистана с претворением в жизнь идей Ленина, его национальной политики.

Итак, писатели Вьетнама сделали первые, но важные шаги в ознакомлении вьетнамского народа с жизнью узбекского народа, его культурой и литературой.

Со своей стороны узбекские литераторы немало предпринимают для ознакомления узбекского народа с литературой Вьетнама.

Еще в 1958 г. В. Абдуллаев опубликовал сборник «Вьетнамские сказки», в котором переведены 9 из сказок и легенд, записанных писателем В. Жукровским во Вьетнаме. В предисловии к сборнику подчеркивается, что Вьетнам — страна богатой, многотысячелетней культуры.

В начале 60-х годов Шухратом были переведены стихи вьетнамских поэтов (сборник «Поэты Вьетнама»), а М. Алиевым и У. Шамсимухамедовым — рассказы вьетнамских писателей (сборник «Вьетнамские рассказы»). Эти стихи и рассказы были созданы главным образом во время войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946—1954). В 1961 г. на узбекский язык Э. Джаббаровым переведена повесть «Буйвол» Нгуен Ван Бонга, в которой воспроизводится самоотверженная борьба крестьян против грабивших их французских колонизаторов.

⁷ Нонг Куок Тян. Ной тьсен вой ньинг нгыой тхо Са-мак-кан (Разговор со строителями Самарканда)//Еженедельник «Ван нге» («Литература и искусство»). 1970. 6 нояб./Пер. К. Аксенова в журн. «Звезда Востока». 1974. № 10. С. 189—190. То же в кн.: «Ода Узбекистану». Ташкент, 1982. С. 170.

⁸ Донг Чинь. Таш-кен! Таш-кен! (Ташкент! Ташкент!)//Еженедельник «Ван нге». 1981. 7 окт.

Солидарность узбекских писателей с борьбой вьетнамского народа против агрессии США в 1965—1975 гг. выражается в интенсивном озакончении ими узбекского народа с произведениями вьетнамских писателей, отражающими героизм вьетнамских бойцов.

Так, в эти годы писателями А. Аминовым, Л. Партихаевым и С. Хасановым был переведен на узбекский язык сборник рассказов и повестей «Ожидание» (1967) крупнейшего писателя Вьетнама Нам Као, погибшего в 1951 г. от рук французских палачей. В 1968 г. С. Хасановым переведена на узбекский язык повесть «В огне» Нгуен Динь Тхи, посвященная жизни и борьбе вьетнамских зенитчиков против ВВС США, а в 1970 г. М. Ахмедовым — роман Нгуен Динь Тхи «Рушатся берега», в котором воспроизводятся революционные события во Вьетнаме конца 30 — начала 40-х годов. В 1969 г. У. Шамсимухамедов обратился к переводу на узбекский язык романа талантливого южновьетнамского писателя Буй Дык Ая «Разлука», повествующего о подвиге вьетнамской женщины в борьбе за свободу и независимость своей страны. В 1971 г. вышли в свет в переводах на узбекский язык сборник рассказов «Вздорная женщина», посвященных строительству социализма на севере Вьетнама и борьбе вьетнамского народа на юге против американских агрессоров и их ставленников (переводчики — С. Юнусов и Ш. Максудов) и интересная книга для детей «Подвиг Ким Донга» Дык Лана (переводчик — Х. Джалалов).

В конце 70-х годов узбекские переводчики знакомят читателя со сказками народов Вьетнама — сборник «Сказки народов Вьетнама» (1976, переводчик — С. Юнусов), с повестями Нгуен Динь Тхи «В огне» и «Небо» (1979, переводчик — Э. Насыров) и рядом рассказов как известных (Буй Хиена, Буй Хюй Фона, Во Хюй Тама, Нгуен Нгока), так и молодых писателей Вьетнама (До Тю, Ле Чи Ки, Нонг Минь Тяу и др.), помещенных в сборнике «Дары счастья» (1978, переводчик — Ф. Насреддинов).

В 1983 г. вышел в свет новый сборник рассказов вьетнамских писателей — «Строки любви» (переводчики — Т. Алпмов, Ж. Насреддинова, Х. Мансурова, Т. Искандаров и М. Ахмедова).

Следует отметить и изданный еще в 1968 г. в Ташкенте (по случаю международного симпозиума писателей стран Азии и Африки в знак поддержки вьетнамского народа в борьбе с агрессорами США) на русском языке сборник «Вьетнам в огне», составленный из рассказов вьетнамских писателей о войне Сопротивления 1946—1954 гг. и войне против американских империалистов. Стихи и рассказы вьетнамских авторов включены также в опубликованные на русском и узбекском языках сборники произведений писателей стран Азии и Африки — «Мы живем на одной планете» (1968), «Песня континентов» (1973), «Рукопожатие» (1976) и т. д.

С 1958 г. на страницах журнала «Звезда Востока», «Шарк Юлдузи», «Гулистан», «Саодат», в газетах «Правда Востока», «Комсомолец Узбекистана», «Тошкент окшоми» и др. неизменно уделяется много места публикации переводов поэтических и прозаических произведений вьетнамских авторов, а также литературно-критических статей и рецензий по вьетнамской литературе. В сборниках, выпущенных в разные годы Издательством «Фан» УзССР, а также в журнале «Общественные науки в Узбекистане» помещен ряд научных статей о вьетнамской литературе.

Чувства солидарности с борьбой братского народа Вьетнаме выражаются и в творчестве самих поэтов и писателей Узбекистана.

Так, в стихотворении «Вьетнамская красавица» (1967) Султан Куканбеков рассказывает о подвиге вьетнамской женщины из провинции Куангнам. Враги убили ее мужа и сына. Она убежала к партизанам. Однажды ей было поручено важное, но опасное задание. Она по-

нам. Однажды ей было поручено важное, но опасное задание. Она появилась у вражеского генерала, сказала ему, будто бы партизаны убили ее мужа и сына, показала ему раны, которые она «получила от партизан». Когда вражеский генерал, выгнав всех окружающих, остался с ней наедине, она убила его, открыла сейф, взяла нужные документы и возвратилась к партизанам.

В поэме «Пламя Вьетнама» (1969) Раим Фархади разоблачает лицемерие американских империалистов, убивающих невинных вьетнамских женщин и детей и одновременно разглагольствующих о «свободе» и «гуманности», раскрывает убогий духовный мир американских летчиков, верящих только в доллар («Ты не осудишь, Мери... Ведь он не так уж плох. На скудном жизни древе Войны запретный плод, Когда прилично платят Тебе за каждый рейс И к рождеству на платье Невесте шлешь отрез»⁹, — пишет Джон Смит своей любимой). Поэт показывает позорную смерть летчика, самолет которого сбит огнем вьетнамских зенитчиков.

В лирическом стихотворении «Желаю тебе, Вьетнам» (1968) Мамарасул Бабаев выражает чувство глубокой солидарности с вьетнамским народом:

«Чем же помочь тебе, Вьетнам?
Своей любовью стойкой
И всеми мыслями я там,
Где бой идет жестокий.
Вот стать бы мне щитом небес,
Чтоб бомбы вспять летели,
Сбивая тех, кто шлет их в лес,
На детские постели»¹⁰.

В стихотворении «Она похожа на вас» (1967) Мухитдин Джаббар воспроизводит образ мужественной вьетнамской партизанки, которая несмотря на жестокие пытки, не открыла государственной тайны и погибла смертью храбрых.

В своем стихотворении «Американской матери» (1970) Аскад Мухтар обратился к американским матерям с призывом не посылать своих сыновей во Вьетнам.

На страницах журнала «Звезда Востока» — «Шарк Юлдузи» опубликованы переводы на русский язык (М. Павловой) «Стихов о Вьетнаме» турецкого поэта Дамара Арифа и на узбекский язык (А. Хожи) — стихотворения «Песнь о Вьетнаме» южноафриканского поэта Мазиса Кунене.

В произведении для детей «Возмездие» (1973) Сатвалды Юлдашева рассказывается о мужестве мальчика Хао. Когда американские самолеты разбомбили их деревню, Хао и его дядя Лян оказались в озере. У дяди Ляна был пулемет. Но как стрелять из него без упора? Кругом — вода. Тогда Хао принял пулемет на свои плечи и еще успевал поворачиваться так, чтобы дядя Лян мог вести прицельный огонь. Он сбил вражеский самолет. Так они отомстили за своих родных и близких. В другом рассказе для детей «Маленький разведчик» С. Юлдашев описывает маленького партизана Нгуена, его отвагу в борьбе с американскими агрессорами.

Таких примеров можно привести еще немало. Расширение литературных связей между Советским Союзом, Узбекистаном, в частности, и СРВ позволяет нашим народам глубже понять друг друга и служит важным фактором укрепления дружественных связей между ними, братского союза социалистических стран.

⁹ Фархади Р. Пламя Вьетнама//Звезда Востока. 1969. № 2. С. 131.

¹⁰ Бабаев М. Мен сени истаيمان//Танланган асарлар: 2-томлик. I т.: Шейлар. Тошкент, 1974. С. 280—281/Пер. Вяч. Костыря: Звезда Востока. 1969. № 12. С. 29.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Проводимый в нашей стране курс на всестороннее совершенствование общества реального социализма включает и совершенствование уголовно-процессуального права, уголовного судопроизводства в целом и отдельных его институтов. Важным представляется и совершенствование такого института советского уголовного процесса, как подследственность.

В. И. Ленин указывал, что «самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Исходя из этих положений, в целях более точного уяснения современных проблем подследственности мы и попытаемся здесь проследить становление и развитие института подследственности в законодательных актах Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик, поскольку данный вопрос не нашел еще достаточно полного освещения в юридической литературе.

Строительство следственных органов Советского государства и возложение на них обязанности производства расследования по уголовным делам различной категории означало также возникновение и становление института подследственности в советском уголовном процессе.

Организация нового, подлинно демократического уголовного процесса в Советском Туркестане настолько переплеталась с созданием нового суда, что в первый период оба этих вопроса разрешались в одних и тех же законодательных актах.

Первым органом, на который было возложено ведение борьбы с контрреволюционными выступлениями в крае, стала Ташкентская следственная комиссия, созданная в ноябре 1917 г. в «Наказе Ташкентской следственной комиссии» была определена подследственность ей уголовных дел о контрреволюционном выступлении и общеуголовных преступлений, совершенных в дни мятежа в Ташкенте в конце октября 1917 г.²

Исходя из положений Декрета о суде № 1 РСФСР, Совет Народных Комиссаров (СНК) Туркестанского края в начале декабря 1917 г. издал приказ «О реформе судебных установлений»³.

Приказом предусматривалось образование участковых местных судов. К подследственности местного судьи были отнесены все общеуголовные преступления, совершенные в пределах его участка со сроком наказания не свыше двух лет лишения свободы. Институты судебных следователей упразднились. Дела же политического характера изымались из ведения судебных установлений и подлежали ведению и рассмотрению местных Советов⁴. Однако данный приказ не был введен в действие на территории края, ибо содержал ряд недоработок.

16 января 1918 г. Ташсовет принял «Положение о Ташкентском революционном трибунале»⁵. Инструкция о данном трибунале предусматривала, что к подследственности создаваемой при трибунале следственной комиссии были отнесены контрреволюционные преступления, спекуляция, хищение, саботаж и мародерство промышленников, торговцев, служащих и других лиц. Но вместо одной были созданы две следственные комиссии, с разграничением подследственности каждой, в чем проявились особенности развития института подследственности в Туркестане. Так, одна комиссия производила расследование только по контрреволюционным преступлениям, а другая — по делам о мародерстве, хищении и спекуляции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

² Ташоблгосархив, ф. 10, оп. 13, д. 16, л. 17, 26, 38.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 6, л. 17—17об.

⁴ Там же, д. 19, л. 49.

⁵ Наша газета. 1918. 20 янв.

По смыслу законодательства и нормативного материала, подследственность следственных комиссий по делам ревтрибуналов в тот период исчерпывалась кругом преступлений, подсудных ревтрибуналам.

Итак, уже в первых законодательных актах предусматривалось разграничение подследственности уголовных дел в зависимости от их характера. На местные суды возлагалось ведение следствий по делам общеуголовного характера. По делам о контрреволюционных преступлениях следствие производили особые следственные комиссии. Тем самым формировался один из видов подследственности — предметная подследственность, которая была предназначена для разграничения полномочий по расследованию уголовных дел между органами дознания и предварительного следствия, с одной стороны, между органами предварительного расследования, находящимися в различных ведомствах, — с другой. По действовавшему в этот период уголовно-процессуальному законодательству в основу такого разграничения был положен вид совершенного преступления, что находило отражение в его квалификации по законодательным актам, касающимся вопросов уголовного права.

Шел и процесс формирования органов дознания в Туркестане. Созданная 29 января 1918 г. милиция, а позже в ее составе — уголовный розыск — как органы дознания проводили следственные действия по общеуголовным делам, которые были подсудны народному суду, а также по указанию следственных комиссий. В основу их деятельности был положен территориальный признак — отделения уголовного розыска, к примеру, вели борьбу с преступностью в пределах района⁶.

9 сентября 1918 г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) Туркестанского края. Согласно приказу № 35 ТуркЦИКа от 14 сентября 1918 г., к подследственности комиссии были отнесены контрреволюционные преступления, спекуляция и мародерство⁷. В ее состав вошла Ташкентская следственная комиссия. В дальнейшем на ее основе были созданы ТуркЧК, областные и уездные ЧК⁸. Органы ЧК, призванные вести борьбу против внутренних и внешних врагов, посягнувших на основы Советской власти, имели в своей подследственности в дальнейшем подавляющее большинство составов преступлений. Круг их то сужался, то расширялся в зависимости от конкретных условий, определявших актуальность борьбы с теми или иными преступными проявлениями. Говоря о предметной подследственности органов предварительного расследования ЧК, надо отметить, что она определялась фактическим содержанием составов преступлений, их политическим характером, т. е. направленностью против завоеваний Советской власти в Туркестане.

Территориальная подследственность в органах ТуркЧК носила более технический характер. Сущность территориальной подследственности заключалась в распределении всей массы однородных уголовных дел между следственными органами ЧК исходя из места совершения преступления, что способствовало оперативности в раскрытии преступлений и выяснению всех фактических обстоятельств их совершения.

Так, следователи ТуркЧК имели право принятия дела к производству независимо от места совершения преступления. Следователи местных ЧК производили расследование лишь по делам, возникающим на территории, на которую распространялось ведомство данной ЧК. Соответственно решался вопрос о территориальной подследственности и в областных ЧК⁹.

Борьба со шпионажем вначале решением ТуркЦИКа была возложена на службу Военного контроля, который производил также предварительное расследование по уголовным делам о шпионаже¹⁰. В начале 1919 г. правительство ТАССР приняло решение о сосредоточении борьбы со шпионажем исключительно в чекистских аппаратах, лишив военное ведомство не свойственных ему полномочий¹¹. С этого момента особый отдел производил предварительное расследование дел о шпионаже в армии. Район действия фронтовых, армейских и других территориальных особых отделов определялся специальными инструкциями.

В первых законодательных актах Советского Туркестана были заложены основы формирования такого вида подследственности, как специальная подследственность. К специальной подследственности относились прежде всего дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и военнослужащими. Так, все дела о несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, рассматривались в комиссиях о несовершеннолетних¹². Дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, подлежали расследованию органами предварительного следствия военного ведомства¹³. Следствие по каждому делу велось следователями того суда, в районе которого было обнаружено преступление или задержан обвиняемый. При совершении нескольких преступлений в разных местах следствие велось по месту последнего преступления или по месту задержания обвиняемого. Распределение след-

⁶ ЦГА УзССР, Р-17, оп. 1, д. 172, л. 31—36 об., 39—40.

⁷ Советский Туркестан. 1918. 17 сент.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 202, л. 96—97 об., 205—206.

⁹ Там же, л. 205—206.

¹⁰ Там же, д. 196, л. 65.

¹¹ Там же, д. 202, л. 42.

¹² Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 1035, л. 43—50 об.

¹³ Там же, ф. Р-25, оп. 1, д. 202, л. 187—189.

ственных участков устанавливалось состоящей при каждом гарнизоном и армейском суде коллегией следователей.

Важными законодательными актами, определявшими развитие института подследственности, были приказ ТуркЦИКа № 38 от 14 сентября 1918 г. о создании Верховного трибунала ТАССР и приказ ТуркЦИКа № 45 от 18 октября 1918 г. о создании местных ревтрибуналов¹⁴. Ташкентский трибунал упразднился. Верховный трибунал рассматривал дела, носящие характер контрреволюции и спекуляции, дела, связанные с погромами, взяточничеством, нарушением советских декретов, хулиганством, по преступлениям, совершенным на территории республики. Эти же дела были подсудны и местным ревтрибуналам. Согласно Инструкции Наркомюста ТАССР от 13 декабря 1918 г., ЧСК производила предварительное расследование уголовных дел, рассматриваемых Верховным ревтрибуналом, а дела, подсудные местным ревтрибуналам, расследовались следственными комиссиями при них¹⁵.

В этот же период законодателем четко определяется порядок разрешения споров о подследственности уголовных дел между различными органами предварительного расследования. Так, в «Инструкции об организации и порядке действия революционных трибуналов ТАССР и состоящих при них следственных комиссий и комиссий обвинителей» от 13 декабря 1918 г. было определено, что по получении сообщения или жалобы следственная комиссия трибунала в течение 48 часов рассматривала их и принимала решение о прекращении дела, если не находила в нем состава преступления, подсудного трибуналу, или направляла дело по подсудности, или же приступала к производству предварительного следствия. Если же при производстве предварительного следствия выяснялась неподсудность дела суду революционного трибунала, следственная комиссия направляла предварительное расследование по законной подсудности¹⁶.

Аналогично порядок разрешения споров о подследственности уголовных дел устанавливался и для народных судей¹⁷.

Согласно «Положению об окружных судах», утвержденному ТуркЦИКом 17 декабря 1918 г., к подследственности судьи относились все уголовные дела, за исключением убийств, разбоя, взяточничества, фальшивомонетничества, спекуляции, которые были подследственны следственным комиссиям, создаваемым Советами¹⁸.

Как правильно отмечает Г. А. Абдумаджидов, в первые месяцы существования Советской власти наблюдалась тенденция к расширению подследственности следственных комиссий местных Советов¹⁹. Так, по Декрету о суде № 1, ими расследовались только дела, подсудные ревтрибуналам, по Декрету о суде № 2,— и дела, отнесенные к подсудности вышестоящих судов, а по Декрету о суде № 3,— кроме того, дела, отнесенные к подсудности народного суда, но представляющие определенную сложность. Все это было учтено и в законодательстве Туркестана.

В мае 1919 г. НКЮ ТАССР разработал «Положение об едином народном суде ТАССР»²⁰. Им были созданы мусульманские (казийские, бийские) местные народные суды. Казиям предоставлялось право ведения следственных действий по всем делам, за исключением дел, подсудных трибуналам, и дел, по которым предварительное следствие, согласно закону, велось судебными следователями. В дальнейшем постановлением ТуркЦИКа от 25 июля 1922 г. к подследственности казиев были отнесены только дела об оскорблениях, проступках против нравственности²¹.

Законодателем принимались меры по организационному укреплению следственных аппаратов и строгому разграничению подследственности уголовных дел между следователями различных ведомств.

Различия между органами следствия, функционировавшими в том или ином ведомстве, состояли в том, что каждый из них имел право производить расследование лишь по определенной группе преступлений, свойства которых не выходили за рамки характера деятельности соответствующего ведомства.

В этом плане дальнейшее развитие института подследственности мы наблюдаем в связи с созданием в 1919 г. военных ревтрибуналов. В подследственность следователей данных трибуналов были отнесены политические дела и военного характера преступления, совершенные командным составом и военнослужащими в районе военных действий, а также дела о разбое, бандитизме, участии в басмачестве.

Организованные в том же году революционные военные железнодорожные трибуналы рассматривали дела о преступлениях, связанных с нарушением правильной работы железных дорог, а также все преступления в полосе отчуждения, по которым трибуналы усматривали признаки деяний, угрожавших нормальной работе же-

¹⁴ Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 169, л. 3—4.

¹⁵ Там же, д. 27, л. 51—54.

¹⁶ Там же, д. 1035, л. 51—76 об.

¹⁷ Там же, д. 21, л. 194—199.

¹⁸ Там же, д. 1035, л. 81—88 об.

¹⁹ См.: Абдумаджидов Г. А. Развитие законодательства о расследовании преступлений. Ташкент, 1974. С. 29.

²⁰ Известия ТуркЦИКа. 1919. 10 мая.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 302, л. 170—172.

лезнодорожного транспорта. Расследование по этим делам вели следователи данных трибуналов, а также транспортные отделы ЧК, созданные 31 мая 1919 г.²²

Коренные изменения в организацию предварительного следствия внесло «Положение о народном суде ТАСССР» от 18 января 1921 г.²³ Оно заменило следственные комиссии единоличным следователем, в подследственность которого были отнесены дела о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков и документов и по некоторым другим, преступления по которым совершались в пределах следственного участка, входящего в ведомство народного суда.

После окончания гражданской войны статки враждебных классов внутри страны перешли от открытой борьбы с Советской властью к скрытой контрреволюции. Между тем страна вступила в качественно новый этап своего развития — восстановление народного хозяйства на началах нэпа.

Новые явления экономической и политической жизни требовали ограничения деятельности ЧК политическими задачами и предопределяли необходимость ее реорганизации. 28 марта 1922 г. ТуркЧК была реорганизована в ГПУ Туркестанской республики, к подследственности которого относились уголовные дела о контрреволюционных выступлениях, бандитизме, шпионаже, преступлениях против нормального функционирования железнодорожных и водных путей сообщения, о контрабанде, незаконном переходе границы²⁴. Дела об общеуголовных преступлениях из подследственности органов государственной безопасности исключались.

Таким образом, к подследственности органов ГПУ были отнесены в основном преступления, посягавшие на основы нового строя. В этом проявилась преемственность подследственности органов государственной безопасности, а также уже просматривалась определенная тенденция — органы предварительного следствия надеялись подследственностью в зависимости от назначения ведомства, в состав которого они входили.

В возникших в результате победы народных советских революций 1920 г. Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках также происходило становление и развитие основ нового уголовного процесса. 19 декабря 1921 г. 2-я сессия ВсебухЦИКа приняла «Положение о советском народном суде», согласно которому предварительное следствие по подсудным народным судам уголовным делам проводили сами судьи и участковые народные следователи²⁵. Старшие следователи окружных судов и следователи по важнейшим делам при отделе прокуратуры Назирага юстиции вели следствие по делам, подсудным, соответственно, окружному суду и Верховному суду БНСР.

Согласно «Временному закону о народных казнях» от 27 мая 1922 г., последние в пределах района, уезда, области БНСР вели предварительное следствие по всем делам, не подсудным ревтрибуналам и народным следователям, чем и определялась их подследственность²⁶. В ХНСР существовали только казийские суды, но порядок проведения расследования не был регламентирован.

В 1920—1924 гг. на территории данных республик были созданы и действовали ревтрибуналы и военные трибуналы. К подследственности следователей ревтрибуналов были отнесены контрреволюционные и всякие иные деяния, идущие против завоеваний революции, направленные к ослаблению силы и авторитета Советской власти. К подследственности следователей военных трибуналов были отнесены дела по воинским преступлениям, дела политического характера и некоторые виды крупных уголовных дел: покупка и продажа оружия, хищение воинского имущества и др.

В сентябре 1920 г. в БНСР была создана Всебухарская чрезвычайная комиссия, которая проводила дознание по делам о контрреволюции, шпионаже и преступлениях по должности²⁷. Отдел охраны республики, в который вошли БухЧК и милиция, вел борьбу с уголовной преступностью, защищал неприкосновенность личности и имущественные права граждан. 1 августа 1923 г. Отдел охраны республики был реорганизован в Главное управление милиции и Главное политическое управление.

Карательные органы в районах действия басмачества в БНСР были организованы на военных началах и переданы в ведение Военного трибунала 13-го армейского корпуса и его выездных сессий. Однако в феврале 1924 г. рассмотрение басмаческих дел на территории БНСР было передано в ведение Верховного трибунала республики и его выездных сессий. За Военным трибуналом 13-го армейского кор-

²² Известия ТуркЦИКа. 1919. 4 июля.

²³ ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 185, л. 5—7.

²⁴ См.: Арипов Р., Мильштейн Н. Из истории органов госбезопасности Узбекистана. Ташкент, 1968. С. 85.

²⁵ См.: Расулев А. Х. Создание и развитие советского суда в Узбекистане. Ташкент, 1958. С. 100.

²⁶ См.: Абдумаджидов Г. А. Расследование преступлений. Ташкент, 1986. С. 32.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 157, л. 44.

пуга и 11-й кавалерийской дивизии были оставлены дела по преступлениям военно-служащих.

В ХНСР решением ХорЦИК от 1 января 1922 г. борьба с бандитизмом была возложена на чрезвычайную тройку и чрезвычайную комиссию, причем последняя была органом дознания по делам, особо опасным для республики²⁸. Органом дознания по общеуголовным делам было Управление милиции Хорезма, созданное 9 апреля 1920 г.

Надо сказать, что наличие многочисленных законодательных и ведомственных актов, содержащих нормы по тем или иным вопросам предварительного следствия и дознания, усложняло работу этих органов. Положение изменилось после введения в действие УПК РСФСР на территории ТАССР (август 1922 г.), БНСР и ХНСР (1924 г.). В данном кодексе общие вопросы подследственности применительно к народным следователям, военным следователям и следователям ревтрибуналов получили дальнейшее развитие и закрепление.

Из сказанного можно сделать некоторые выводы. Становление и развитие института подследственности в ТАССР, БНСР и ХНСР происходило в условиях некодифицированного законодательства. Были сформированы виды подследственности — территориальная и предметная, проявились признаки и специальной подследственности. Правильное определение и соблюдение правил предметной и территориальной подследственности в органах предварительного расследования было одним из условий четкой организации работы органов предварительного расследования.

Становление и развитие подследственности органов предварительного расследования убедительно показывает, что органы предварительного расследования (ТуркЦИК, ГПУ, милиция, народные следователи, следственные комиссии и т. д.) принимали к своему производству уголовные дела только о тех преступлениях, борьбу с которыми были призваны вести ведомства, при которых они состояли. Таким образом, главным критерием определения подследственности органов предварительного следствия было и ныне является, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, назначение в государственном аппарате ведомства, в состав которого включен следователь.

Совершенствование института подследственности детерминировано изменениями социально-экономических и политических условий жизни общества, отражает изменения общественных отношений на различных этапах развития страны и потому имеет объективный характер.

С. А. Белоусов

²⁸ См.: Джалилов Т. Страницы истории милиции Хорезма и Бухары. Ташкент, 1970. С. 18.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ «МАВЕРАННАХР» И «ТУРКЕСТАН»

В исследованиях по древней и средневековой истории Узбекистана весьма часто употреблялись и употребляются такие географические названия, как «Мавераннахр» и «Туркестан».

В средневековой арабо-персоязычной историко-географической литературе под названием «Мавераннахр» (точнее: *Мā varā' an-naḥri* — «то, что за рекой», «за-речьем») подразумевалась территория, расположенная за Амударьей, к востоку от нее.

В «Муджам ал-булдан» Якута ибн Абдал-лаха ал-Хамави сообщение о Мавераннахре начинается словами: «[*Мā varā' an-naḥri*] йураду бихи мā нара' ан-нахри Джайхун», т. е. «под Мавераннахром имеется в виду то, что за рекой Джейхун». Джейхун — это Амударья, которая у древних греков именовалась Окс или Оксус. Отсюда и латинское название данного региона — Трансоксания или Трансоксиана.

Распространение термина «Трансоксания» берет свое начало в новое время¹. Он был усвоен в европейском востоковедении и к XIX—XX вв. произвольно получил широкое толкование, заменяя иногда понятие «Средняя Азия»². Данное название применял в своих трудах В. В. Бартольд³. И в наши дни термин «Трансоксания» применительно к Междуречью изредка встречается в научной литературе⁴.

¹ Йāqūt ибн Абдаллах ал-Хамави ар-Рūмй. Китāби муджам ал-булдāн. Ал-Миср, 1907. С. 370; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1902. С. 203.

² Вамбери А. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. СПб., 1873.

³ Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях // Бартольд В. В. Соч. Т. IV. С. 97, 99, 102, 106.

⁴ См., напр.: Стори Ч. А. Персидская литература: Био-библиографический обзор: В 3-х частях. М., 1972.

Что касается термина «Мавераннахр», то он, впервые примененный в арабозычных источниках IX—X вв., довольно широко употребляется и в настоящее время.

По сообщению В. В. Бартольда, «из арабской географической литературы название Мавераннахр перешло в персидскую. Еще в XI [хиджры]/XV в. Хафиз-и Абру посвятил Мавераннахру особую главу (последнюю) своего географического сочинения. Под влиянием литературной традиции в самой Средней Азии выражение Мавераннахр употреблялось до последнего времени, хотя для жителей Средней Азии соответствующие области находились по эту сторону реки, а не по ту»⁵. Как видим, будучи первоначально арабским определением, «Ма' вара' ан-нахри» со временем утратил свое лексическое значение и превратился в название культурной области в бассейне Аму- и Сырдарьи.

Ко времени нашествия арабов Средняя Азия представляла собой обширную область, раздробленную на многочисленные владения (Согд, Тохаристан, Чаганиан, Хорезм и др.). Каждое из них, в свою очередь, состояло из множества мелких княжеств, представлявших собой укрепленный город с небольшой округой. Между правителями, между прочим, часто состоявшими друг с другом в родстве, то и дело вспыхивали междоусобные распри, которые и помешали им объединиться для борьбы против арабской экспансии. Хотя местное население самоотверженно отстаивало свою независимость, города Мавераннахра один за другим были захвачены арабскими военачальниками. Сначала они осадили Пайкенд, затем Бухару и дальше двинулись в Согд, в Самарканд и т. д.

В VII—VIII вв. в Мавераннахре наряду с оседлым населением жили кочевники — тюрки, тюркешы, карлуки. Тюрки, насаждая Тохаристан, а также в значительном количестве — долину Зеравшана, район между Бухарой и Самаркандом, в эпоху арабского завоевания были крупной силой. Согдийские правители поддерживали отношения с западными тюрками и часто призывали их на помощь в борьбе против арабских завоевателей.

Границы территории Мавераннахра в северном и восточном направлениях находились там, где кончалась власть ислама, и зависели от политических условий; точнее — границы земель, обозначаемых «Мавераннахр», не были постоянными. Этим и объясняется то, что в разное время различные авторы не всегда включали в понятие «Мавераннахр» одну и ту же территорию; согласно некоторым из них, в «Мавераннахр» входили и земли, располагавшиеся за пределами двух рек — Амударьи и Сырдарьи. Так, по Хафиз-и Абру, «северо-восточная граница Мавераннахра — область Кашгар и Хотан до пределов Моголистана, дальше идет земля уйгуров. Северо-западная граница — кипчакская степь, страна узбеков и Туркестан. К северу от Мавераннахра простирается шестой климат, (именно) Алмалык и Баласагун; все это область тюрков»⁶.

Автор более позднего периода (XVII в.) Махмуд ибн Вали в своем сочинении «Море тайн относительно доблестей благородных» сообщает: «Мавераннахр — обширная страна из стран Востока. В сущности Мавераннахром назывались все большие и малые города, области, деревни, и селения, горы и равнины, расположенные между реками Джейхун и Сейхун. Так, Термез, Кубадян, Вахш, Саганиан, Несеф, Кеш, Самарканд, Бухара, Фергана, Хутталан относятся к Мавераннахру [вспомним, что, согласно Табари, Хутталан (Хутталан) не входил в пределы Мавераннахра]⁷, Ташкент, Сайрам и Туркестан к нему не относятся». По его словам, «с древнейших времен по настоящее время столицей Мавераннахра является Бухара»⁸.

Особый интерес представляет сообщение Махмуда ибн Вали о городе Несеф (Нахшеб): «Нахшеб — из городов Мавераннахра; в прошлом также называли Несефом. Келек-хан монгол построил там дворец. Так как по-монгольски «дворец» называется «карши», с тех пор этот город приобрел известность под [названием] Карши»⁹.

Хафиз-и Таныш Бухари в одной из глав своего труда «Шараф-наме-йи шахи» приводит сведения о географическом расположении Мавераннахра, а также относительно его границ¹⁰. По его определению, площадь Мавераннахра составляет примерно 100×240 фарсахов¹¹.

⁵ Бартольд В. В. Мавераннахр (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 471.

⁶ Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения // Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. С. 85.

⁷ См. об этом: «История ат-Табари». Ташкент, 1987. С. 240.

⁸ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Ташкент, 1977. С. 76.

⁹ Там же.

¹⁰ Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи. М., 1983. Ч. I. С. 218—219.

¹¹ Фарсах — миля, фарсанг; мера длины, равная 2250 м; ист. = 5760 м. См.: Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1977. С. 589.

В. В. Бартольд писал, что «Мавераннахр..., по терминологии средневековых мусульманских географов, не входил в состав Туркестана (страны тюрков, т. е. областей, расположенных между мусульманскими владениями и Китаем и населенных тюркскими и монгольскими кочевниками)»¹². Действительно, параллельное употребление названий «Мавераннахр» и «Туркестан» в таких источниках, как «Тарихи Масъуди» Абу-л Фазла Бейхаки, «Тарихи Систан», «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йезди, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша Бухари, «Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди и др., подтверждают эту мысль ученого.

Для определенных периодов В. В. Бартольд считает возможным понимать под Туркестаном и территорию Мавераннахра. Он отмечает, что «после падения государства Саманидов турки [тюрки] начали селиться в крае в большем количестве, чем прежде; «Мавераннахр» арабов постепенно сделался «Туркестаном»; появились тюркские географические названия»¹³. В связи с этим особый интерес представляет сообщение Махмуда Кашгарского о том, что «весь Мавераннахр, т. е. страны от Ианканда до Востока, считаются тюркскими на том основании, что название городов [там расположенных] Самарканд — Семизканд, Ташканд — Шаш, Озканд, Тунканд все являются тюркскими. Канд — по-тюркски означает город»¹⁴.

Ценны сведения Табари о том, что основная часть населения Ферганы¹⁵, Согда¹⁶, а также Несефа¹⁷ и Бухары в период арабских завоеваний была тюркоязычной. Табари пишет: «...Он бежал и, в поисках убежища, перешел через реку в Фергану к тюркам»¹⁸. О нашествии арабов под предводительством Убайдуллах ибн Зийада в 674 г. он сообщает: «Убайдуллах б. Зийад встретил в Бухаре тюрков, а с их царем была его жена Кабадж-хатун»¹⁹. Сведения Табари подтверждаются данными Махмуда Кашгарского, который в «Дивану лугатит-турк» приводит названия тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии и указывает примерные границы их расселения²⁰.

Процесс, о котором говорил В. В. Бартольд, т. е. заселение Мавераннахра тюркскими племенами и превращение его в «Туркестан», продолжался очень долго, что подчеркивает и сам ученый²¹.

Таким образом, термин «Мавераннахр», появившись первоначально как название определенной географической местности, стал названием страны, границы которой могли изменяться в зависимости от политических событий. Постепенно значение этого названия абстрагировалось и в последующие века стало в отдельных случаях равнозначно термину «Туркестан», порою даже выражая понятие «Средняя Азия».

Что касается названия «Туркестан», или «Туркистан», означающего «страна тюрков», то в древности оно употреблялось относительно той части Средней и Центральной Азии, которая была заселена тюркоязычными народами. Параллельно с «Туркестаном» существовало и название «Туран». Предельно ясное объяснение этому термину и его происхождению дано в трудах В. В. Бартольда «Иран», «Туркестан». В частности, ученый писал: «Ирану чаще всего противопоставлялся «Туран», слово, образованное от «туры» таким же образом, как Иран от «арий», только впоследствии «Туран» отождествили с «Туркестаном», «страной турок»²². Подобное противопоставление Ирана и Турана часто встречается у Абд ар-Раззака Самарканди в «Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн»²³.

Основываясь на данных географической литературы, В. В. Бартольд заключает, что под Тураном понимали бассейн Аральского моря. Согласно легенде, рассказанной Табари, естественной границей между Ираном и Тураном была Амударья (Окс). Согласно Себеосу (VII в. н. э.), Амударья (Вехрот) вытекает из страны Турк'астан²⁴.

В сочинении неизвестного грузинского летописца XIV в., посвященном истории монгольского владычества в Грузии, упоминаются отдельные области Средней Азии.

¹² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Бартольд В. В. Соч. Т. I. С. 114.

¹³ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 108.

¹⁴ Махмуд Кошгарий. Дивану лугатит-турк/Солих Муталлибов таржимаси. Тошкент, 1963. Т. III. С. 164.

¹⁵ История ат-Табари. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 141.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 44.

²⁰ См. об этом: Ахмедов Б. А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 23.

²¹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. С. 117.

²² Бартольд В. В. Иран//Бартольд В. В. Соч. Т. VII. С. 231.

²³ Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Тошкент, 1969. С. 4, 6, 7, 57, 184 и др.

²⁴ Бартольд В. В. Туркестан//Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 518

В данном источнике, который условно назван грузинскими историографами «Жамда-агмицерели» (т. е. летописец), Средняя Азия именуется «Туран», «Туркестан», «Туркети»²⁵.

Граница между Ираном и Туркестаном менялась часто в силу политических обстоятельств. При Сасанидах граница страны тюрков, начинавшаяся непосредственно севернее Амударьи, в VI в. н. э. постепенно продвинулась к Амударье. Вследствие завоеваний арабов в Средней Азии «тюрки были оттеснены далеко на север; поэтому для арабских географов IX—X вв. Туркестан начинался не непосредственно севернее культурных областей, называвшихся «страной по ту сторону реки» Ма в ра́ ан-нахри. Туркестан, страну тюрков, представляли себе в то время как местность севернее и восточнее Мавераннахра»²⁶.

Таким образом, первое упоминание слова «Туркестан» арабскими историками и географами относится к IX—X вв. Согласно арабоязычным источникам, Туркестан, говорил В. В. Бартольд, представлял собой «все земли между мусульманскими владениями в Мавераннахре и Китае, главным образом восточную часть нынешней Сырдарьинской области (ад. единица деления Туркестанского генерал-губернаторства), Семиреченскую область и Восточный Туркестан»²⁷.

«Туркестан» зафиксирован во вступлении «Кутадгу билик» как название обширной области на Востоке²⁸.

В средние века «Мавераннахр» и «Туркестан» длительное время существовали независимо друг от друга. Но в XVI в., с завоеванием Шейбанидами территории Мавераннахра, здесь образовалось шейбанидское государство, простиравшееся от Сырдарьи до Центрального Афганистана. Именно с этими политическими событиями В. В. Бартольд связывает отождествление понятий «Мавераннахр» и «Туркестан».

Название «Туркестан» часто встречается в таких крупных трудах В. В. Бартольда, как «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «История орошения Туркестана», «История культурной жизни Туркестана» и других, которые касаются истории народов Средней Азии и Ирана. Ученый использовал название «Туркестан» в разных значениях, которые условно можно разделить на три вида: 1) конкретное; 2) общесобирательное; 3) в значении названия города.

1. Конкретным значением названия «Туркестан» было то, которое оно носило в средние века. Относительно XIII в. В. В. Бартольд пишет: «Туркестаном и Мавераннахром в конце царствования Угэдея и после него при следующих государях, до Хайду включительно управлял сын Ялавача, Маъсудбек»²⁹. При описании восстания Тараби, также четко разграничивая оба названия, он пишет: «В Мавераннахре и Туркестане...»³⁰

2. Относительно второго значения, которое мы условно назвали «общесобирательным», следует отметить, что В. В. Бартольд применил термин «Туркестан», исходя из общепринятых названий, установившихся в научной и политической литературе в связи с образованием в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. В «Предисловии» к Сочинениям В. В. Бартольда редакторы отмечают, что, «пользуясь русскими документами XIX—нач. XX вв., а нередко и в других случаях В. В. Бартольд и в советское время продолжал употреблять термины дореволюционного времени»³¹.

В научную литературу XIX в. термин «Туркестан» был введен английскими путешественниками, как предполагает В. В. Бартольд, под влиянием персидского и афганского употребления этого слова. Ученый пишет: «...Русские и по их примеру западные европейцы стали употреблять термин «бухарец» в смысле «горожанин Средней Азии», «торговец». Тот же термин был распространен и на не имевшую в своей политической жизни ничего общего с Бухарой Кашгарью, которую стали называть «Малой Бухарой». Только в XIX в. термины «Великая» и «Малая» Бухария были заменены терминами «Западный и Восточный Туркестан»³². Это название употреблялось и в советское время вплоть до национально-государственного размежевания Средней Азии.

В общесобирательном значении название «Туркестан» В. В. Бартольд использовал шире, иногда даже имея в виду под Туркестаном весь Среднеазиатский регион. Например, он пишет: «О религиозной жизни домусульманского Туркестана мы имеем

²⁵ Михалева Г. А. О грузинских источниках по средневековой истории Средней Азии//Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 2. С. 58.

²⁶ Бартольд В. В. Туркестан. С. 518.

²⁷ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIV. С. 203.

²⁸ Кутадгу билик: Наманганская рукопись. Вступление.

²⁹ Бартольд В. В. Туркестан под владычеством монголов (1227—1269)// Бартольд В. В. Соч. Т. I. С. 549.

³⁰ Там же. С. 545.

³¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II (Ч. I). Предисловие. С. 15.

³² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Бартольд В. В. Соч. Т. II (Ч. I). С. 273.

и некоторые письменные известия, преимущественно для главного города Самаркан- да...»³³; «Часть страны, ныне входящей в состав Туркестана, именно Туркмения нахо- дилась под властью парфян»³⁴ и т. д.

З. В. В. Бартольд употребляет «Туркестан» и в значении г. Ясы (в Южном Казахстане). Город Ясы получил название «Туркестан» в конце XV в., когда был захвачен Шейбани-ханом. В этом же значении название «Туркестан» довольно часто встречается в письменных памятниках XVI—XVIII вв.³⁴ Это название сохранилось за древним городом, входящим ныне в Чимкентскую область Казахской ССР.

В советское время «Туркестан» как название административного деления было вытеснено из употребления после проведения в Средней Азии национально-государ- ственного размежевания (1924 г.). Позже, критикуя исследователей, которые пони- мали под Туркестаном весь Среднеазиатский регион, В. В. Бартольд писал: «В Со- ветской России слово «Туркестан» постепенно вытесняется из употребления главным образом по этнографическим причинам. После революции несколько лет существова- ла Туркестанская республика... После окончательного проведения национального принципа в 1924 г. общегеографическое название должно было уступить место назва- ниям, образованным от названий народов: Узбекистан, Таджикистан и Туркме- нистан»³⁵.

Однако в буржуазной историографии и в настоящее время продолжают упот- реблять «Туркестан» применительно ко всей территории Средней Азии, и не только к периоду Туркестанского генерал-губернаторства, но и к более ранним периодам, например начала XIX в.³⁷

Подытоживая приведенные данные, можно отметить следующее.

Во-первых, оба термина, «Мавераннахр» и «Туркестан», носящие в себе четкое географическое содержание, согласно приведенным выше определениям, в период средневековья обозначали расположенные в соседстве конкретные территории, не составляющие в географическом значении одно целое.

Во-вторых, в силу политических мотивов граница между этими территориями очень часто менялась. Следовательно, при использовании данных названий необходи- мо иметь в виду политическую обстановку того периода, о котором идет речь.

В-третьих, в позднесредневековой исторической литературе продолжали упот- ребляться оба термина, хотя они уже утратили свое первоначальное значение. При этом следует иметь в виду традиционность и компилятивность, в известной мере характерные для средневековых источников.

В-четвертых, хронологические рамки применяемости этих терминов сводятся к следующему: и для «Мавераннахра», и для «Туркестана» самой крайней по вре- мени границей применения является период завоевания страны кочевыми даштикип- чакскими племенами. С XVI в. географические названия уступают место политиче- ским: «Шейбанидское государство», «Бухарское ханство», «Хивинское ханство» и т. д. С этого момента вплоть до XIX в. для обозначения территории Узбекистана практически не использовался какой-либо иной политический или географический тер- мин. Только в XIX в. постепенно распространилось название «Туркестанский край», которое окончательно утвердилось после присоединения Средней Азии к России и применялось вплоть до национально-государственного размежевания.

Уточнение использования названий «Мавераннахр» и «Туркестан» особенно важно в связи с подготовкой к изданию многотомной «Истории Узбекской ССР», в частности для томов, отражающих период средневековья. Произвольное употребле- ние в исторических исследованиях названий «Мавераннахр», «Туркестан», а иногда и «Средняя Азия», применительно к территории нынешнего Узбекистана, является при- чинной возникновения некоторой неясности в изложении и создает трудности для читателя. Представляется целесообразным употребление названия «Мавераннахр» применительно к территории современного Узбекистана лишь относительно периода от арабских завоеваний до образования Шейбанидского государства. Поскольку на- звание «Туркестан» ни в средневековой, ни в новый период по содержанию (в пер- вом случае узкое, а во втором — более широкое) не соответствует территории ны- нешнего Узбекистана, необходимо применять этот термин в полном соответствии с изучаемым периодом истории.

Н. А. Асилова, Г. А. Агзамова

³³ Бартольд В. В. История Туркестана//Бартольд В. В. Соч. Т. II (Ч. I). С. 116.

³⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. С. 178.

³⁵ См.: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: Письменные памятники. Ташкент, 1986.

³⁶ Бартольд В. В. Туркестан (статья из «Энциклопедии ислама»)//Бар- тольд В. В. Соч. Т. III. С. 518.

³⁷ Turkestan in the Nineteenth Century: A brief history of the Khanates of Bukha- ra, Kokand and Khiva/By Mary Hoidsworth. Oxford, 1959.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

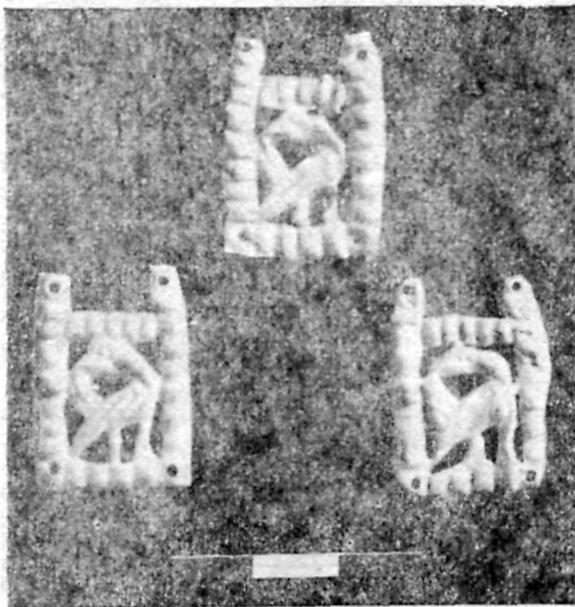
ЗОЛОТЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЕРКУРГАНА

В южной части внешнего города Еркургана (Каршинский оазис) расположен окруженный полями холм с крутыми склонами. Овальный в плане, он имеет размер по подошве 35×40 м, высоту—9,5 м, с крутыми склонами. Верхняя площадка (15×25 м) имеет небольшой уклон к северо-западу и ориентирована в широтном направлении.

В результате работ, проводимых здесь в течение двух сезонов на раскопе 4, выделено два одновременных здания кульново-мемориального назначения. В северной части холма также обнаружена серия впускных погребений, произведенных после заупустения позднего здания.

Основное здание, датированное по керамическому материалу концом II—IV в. н. э., имеет два строительных периода и массу мелких ремонтов и перестроек. В I период его центральным элементом был большой квадратный двухколонный зал. С юга к нему примыкал айван или вестибюль, на ганчевом полу которого стояли хумы с человеческими костями. На западном и восточном фасах расчищены небольшие помещения различного функционального назначения. Здесь мы остановим свое внимание на материалах из помещения 6, расположенного к западу от центрального зала. Оно прямоугольное в плане, вытянуто с севера на юг, размеры 5,70×2,50 м. В юго-восточном углу его находился вход шириной 0,80 м, заложенный в конце I строительного периода большими кусками плотной глины.

Пол помещения был выложен из сырцового кирпича размером в среднем 40×40×10 см. Скрепляющий раствор отмечен под кирпичами и в швах между ними на половину высоты ребра. Вдоль северной стены помещения располагался Г-образный в плане подиум, выступавший над выкладкой пола на один кирпич. Центр его выложен из сырцового кирпича того же размера, что и пол, а с боков обложен кирпичом, разрезанным на части. Длина подиума 1,60 м, ширина—0,80 м, по выступу—1,30 м. Местами на поверхности его сохранились слабые пятна золы.

У западной стены, рядом с подиумом, имелась лунка овальной формы, размером 0,26×0,30 м и глубиной 0,25 м, заполненная рыхлой глиной с золой и углем. В лунке найдена нижняя часть небольшой чаши, изнутри покрытой толстым слоем копоти. Две другие лунки обнаружены у западной и восточной стен помещения. Они были заполнены рыхлой глиной, причем на дне у восточной стены лежал фрагмент стенки крупного сосуда, подточенный с внешней стороны. Рядом с этой лункой, на поверхности лежали куски охры.

На выкладке пола и над ней обнаружено большое количество сильно коррозированных железных пластин и несколько золотых изделий. Здесь же найдены отдельные зубы человека и фаланги кисти руки женщины в возрасте 30—40 лет (определение Т. Р. Мухамеджанова). Из слоя рыхлой глины над полом поднят также фрагмент оссуария ящичной формы с четко выделенным ребром прямого угла и тщательно заглаженными стенками.

Еще в древности помещение было ограблено (о чем свидетельствуют перемешанные слои, заполняющие его), а затем перерыто норами сусликов, что также не способствовало сохранению четкой стратиграфии заполнения.

Особый интерес представляют найденные в помещении украшения из золота. Они делятся на 6 видов:

1. Круглые нашивные бляшки с вогнутой верхней поверхностью и бортиком. Д. = 0,9—1,0 см, высота бортика — 0,2 см. У верхнего края бортика — два противоположных отверстия для нашивания. 3 шт. (1 сильно деформирована).

2. Ромбовидная нашивная бляшка с выпуклой верхней поверхностью и бортиком. Длина — 0,8 см, ширина — 0,5 см, высота бортика — 0,1 см. Два отверстия на острых углах.

3. Нашивка в виде трубочки, отрубленной от более длинной. Шва не видно. Длина — 0,8 см, $d=0,2$ см.

4. Полоска тонкой фольги. Длина — 3,2 см, ширина — 0,45—0,6 см.

5. Трубка из толстой золотой фольги, свернутая в 1,5 оборота. Один край ровно обрезан, второй разрезан на 12 тонких полосок длиной 2,8—3,0 см и шириной 0,2—0,4 см. Длина трубки — 9,1 см, $d=0,8$ —0,9 см. Свернута из полоски фольги шириной 1,9—3,5 см. Трубка сильно деформирована, большая часть полосок обломана, отломан и конец трубки.

6. Фигурные бляшки с заключенным в рамку изображением хищной птицы. Голова ее повернута назад и держит клювом сильно поднятый вверх хвост. Правое крыло опущено вниз. Две лапы изображены отдельно. Оперение хвоста и крыльев изображено в виде 3 выпуклых полос. Глаз читается только на наиболее хорошо сохранившемся оттиске. Рамка разделена насечками на отдельные отрезки, вверх выступают два края рамки, в верхних концах которых и в нижних углах сделаны отверстия для пришивания. Бляшек 3, все оттиснуты одним штампом, после чего фон внутри рамки вырезан, но оставлены многочисленные заусеницы. Размеры бляшек: длина — 2,5 см, ширина — 1,9 см (соответственно размер рамки — 2,0—2,1×1,9 см, ширина рамки — 0,3—0,4 см).

Перед нами, очевидно, — небольшая часть комплекса украшений парадного костюма.

Несмотря на немногочисленность находок, они имеют аналоги в материалах погребальных сооружений Средней Азии и Казахстана. Так, подобные круглые бляшки были найдены в большом количестве на Тилля-тепе в Афганистане (погребения 3, 4 и 6). Они также имеют невысокий бортик, до 0,2 см, диаметр от 0,7 до 1,5 см¹. Там же, в погребении 4, найдено 508 нашивок в виде трубочек длиной 1,1 см, диаметром 0,2 см². Они тоже использовались в украшении парадного облачения царя.

Такие трубочки-нашивки длиной 1,1 см и диаметром 0,2 см были использованы и в костюме вождя, погребенного в кургане Иссык. Там же найдено 313 ромбических бляшек длиной 0,8 см, шириной 0,6 см³.

Аналогии находит и золотая трубка с разрезанным на полоски краем. Такая трубка была найдена в погребении 2 Тилля-тепе. Она имела длину 4,0 см при диаметре 0,7 см, длина полосок — 3,5 см. На трубку были надеты две прямоугольные пластинки⁴. Похожа по описанию и трубочка, найденная в склепе 1 науса Дальверзинтепа, во втором погребальном горизонте⁵. Она также была свернута из листового золота и с одной стороны разделена на отдельные полоски.

Наибольший интерес среди золотых изделий, найденных в помещении 6, представляют, несомненно, бляшки с изображением хищной птицы. Хотя полных аналогий они не имеют, все же можно провести некоторые параллели в иконографии, оформлении и технике исполнения бляшки.

Образ хищной птицы, воплощенный в золоте или бронзе, часто встречается в искусстве народов Средней Азии. Многочисленные бляшки в виде хищной птицы или ее головы встречены в курганах сакского могильника Уйгарак, датированных VII—VI вв. до н. э.⁶ Особый интерес в связи с нашей находкой вызывает бляшка из кургана 39, изображающая хищную птицу с повернутой назад головой⁷.

Изображения хищной птицы встречены были и в сакских курганах Памира. Так, в кургане 7 могильника Тегермансу 1, датированного V—III вв. до н. э., найдена бляха с изображением фантастического травоядного, на спине которого сидит терзающая его хищная птица⁸.

¹ Bactrian Gold. L., 1985. P. 236. Cat. 3—13; P. 249. Cat. 1—17; P. 255. Cat. 6—10.

² Ibid. P. 248. Cat. 4—11. Ill. 2.

³ Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978. С. 27. Ил. 37. Табл. 16.

⁴ Bactrian Gold. P. 233. Cat. 2—22.

⁵ Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 101.

⁶ Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья: Проблемы скифской археологии // МИА. № 177. М., 1971. С. 204—207. Рис. 7—9—11.

⁷ Там же. С. 206. Рис. 7—10.

⁸ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 63. Рис. 19.

Довольно многочисленны изображения хищных птиц (геральдических орлов, сыча и др.) на предметах из Амударьинского клада⁹. В частности, на трех дисках изображен лев-грифон с головой, повернутой назад¹⁰.

Интересно и найденное в кургане 8 могильника Агалыксай (Самаркандская область), датированного II в. до н. э.—IV в. н. э., нашивное украшение из тонкого листового золота в виде стилизованного изображения хищной птицы. Голова ее повернута вправо, к поднятому крылу, левое крыло опущено книзу, хвост поднят вверх, четко выделены 2 лапы. Направление перьев показано насечками¹¹. Бляшку с городища Еркурган и бляшку из Агалыксая сближает такая черта, как поднятый вверх хвост птицы.

Образ хищной птицы был широко распространен в искусстве народов Востока и степей Евразии с глубокой древности. Ареал его был частично рассмотрен в работах Н. Л. Членовой¹². Отдельную разновидность этого образа представляли изображения хищной птицы с повернутой назад головой, имевшие не менее широкий ареал — от Причерноморья до Южной Сибири¹³.

Оформление изображения рамкой характерно для искусства скифов, саков и других народов Средней Азии. В наиболее древних образцах рамку образует ряд выпуклых «перлов»¹⁴, которые в дальнейшем превращаются в узкие полоски, разделенные насечками, как на бляшках из кургана Иссык¹⁵, находках Амударьинского клада¹⁶ и т. д.

Особенно сложной в каждом случае является проблема интерпретации изображения. Не останавливаясь на ней здесь подробно, отметим лишь что ряд исследователей скифского и скифо-сибирского искусства связывают образ хищной птицы с символическим изображением солнца¹⁷ либо считают ее изображением инкарнаций фарна или бога грома и победы Авесты—Веретрагны¹⁸.

В целом же находки из Еркургана представляют достаточно типичный набор нашивных украшений, применявшихся в оформлении парадного костюма. Видимо, рассмотренное помещение предназначалось для погребения какого-то лица, возможно, связанного с местной правящей династией.

С. Н. Воробьева, Н. Ю. Нефедов

⁹ Амударьинский клад: Каталог. Л., 1979. С. 46. № 25; С. 47. № 33, 34; С. 69. № 148.

¹⁰ Там же. С. 47. № 28—30.

¹¹ Обельченко О. В. Курганы древнего Согда. Ташкент, 1981. С. 14; Рис. на с. 22.

¹² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 124. Табл. 30.

¹³ Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Вып. IV. Киев, 1908. Рис. 14; Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 260. Рис. 143ж; Членова Н. Л. Указ. соч. С. 113. Табл. 26.

¹⁴ L'art scythes. L., 1986. Ill. 40.

¹⁵ Акишев К. А. Курган Иссык. С. 27. Ил. 32, 33; С. 75. Ил. 86.

¹⁶ Амударьинский клад: Каталог. С. 46, 47 и др.

¹⁷ Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 60.

¹⁸ Хазанов А. М., Шкурко А. И. Социальные и религиозные основы скифского искусства//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. С. 43.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

СВЕДЕНИЯ АЛ-МАС'УДИ О ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕНАХ

Десятый век был периодом наивысшего развития арабской географической литературы. В то время были созданы выдающиеся произведения в области региональной географии. Примечательно, что, как правило, ученые-географы той эпохи много путешествовали. Бывали они и в Средней Азии, что делает сообщаемые ими сведения наиболее достоверными и ценными.

Среди них большое место занимает арабский путешественник Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Мас'уди (ум. 345/956 г.). Биографических сведений о нем почти нет. Автор «Фихриста» ан-Надим считает его уроженцем Магриба¹. И. Ю. Крачковский предполагает, что он родился в Багдаде². В свое первое путешествие, длившееся

¹ Ибн ан-Надим. Фихрист. Каир, 1929. С. 225.

² Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература//Крачковский И. Ю. Соч. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 172.

ся три года, ал-Мас'уди отправился в 301/913—14 г. и побывал в Фарсе и Кермане. Затем он посетил города Индии: Саймур (средневековый город на западном побережье Индии) и Бомбей³. Позже он посещает Малайский архипелаг, Китай, Занзибар, Тунис, Оман, Хорасан, Сирию, Палестину и только к 330/941—42 г. попадает в Египет, где и проживет до конца жизни.

Разностороннее образование и путешествия позволили ал-Мас'уди многое увидеть, что нашло отражение в его трудах, относящихся к таким отраслям науки, как история, география, астрономия, мусульманская юриспруденция и др. Из всего наследия ал-Мас'уди до нас дошли только четыре его труда (полностью или во фрагментах):

1. «Ахбар аз-заман» («События времен») — тридцатитомное историко-географическое сочинение, составленное в г. Фустате (Египет). Сохранились лишь некоторые фрагменты из этого труда, которые хранятся в библиотеке Тимур-паши в Каире, а также в Королевской библиотеке в Париже. На их основе арабский ученый Абдаллах ас-Сави издал критический текст фрагментов данного сочинения⁴. В нем имеются важные сообщения о хозяйстве, обычаях и нравах тюркских народов.

2. «Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники самоцветов») (332/943—44 г.) — всемирная история, в которой излагается краткое содержание «Ахбар аз-заман». Списки рукописи «Муруджа» хранятся и в библиотеке Института востоковедения АН СССР⁵. На основе четырех рукописей «Муруджа», имеющих в библиотеке Франции, Барбье де Менаром и Пове де Куртеелем⁶ был выполнен и издан на французском языке перевод этого труда. Имеется и египетское издание «Муруджа»⁷.

3. «Китаб танбих ва-л-ишраф» («Книга назидания и пересмотра») — историко-географическое сочинение, являющееся дополнением к «Ахбар аз-заман» и «Муруджу». На основе имеющихся рукописей данное сочинение было издано известным голландским арабистом де Гье (1836—1909) в серии «Библиотека арабских географов»⁸. Имеется французский перевод, выполненный Каррой де Во⁹.

4. «Китаб ал-аусат» («Срединная книга») — представляет собой извлечение из книги «Ахбар аз-заман». Сохранился лишь один том в единственной рукописи, хранящейся в Оксфорде (Англия).

Сочинения ал-Мас'уди охватывают период от «сотворения мира» до 332/943—44 г. Многие сведения автор черпал у своих предшественников, но в большинстве случаев опирался на личные наблюдения. Среди его источников были труды ат-Табари (839—923 гг.), Балазури (ум. ок. 893—94 г.) и источники типа «Ал-масалик ва-л-мамалик» («Пути и государства»), принадлежащие ас-Серахси (ум. ок. 899), ал-Джейхани (конец IX — первая половина X в.), Ибн Хурдадбеку (ум. ок. 844) и др. Ал-Мас'уди пользовался и сочинениями других авторов, которые пока остаются для нас не известными.

В своих сочинениях ал-Мас'уди стремился охватить все известные ему исторические факты. Изучение произведений ал-Мас'уди полностью подтверждает мысль И. Ю. Крачковского о том, что средневековую арабскую литературу невозможно четко разграничить на историческую и географическую¹⁰.

Сведения и факты, приведенные ал-Мас'уди, были широко использованы в трудах К. Риттера¹¹, В. В. Бартольда¹², И. Ю. Крачковского¹³, А. С. Агаджанова¹⁴, Б. Е. Кумекова¹⁵ и др. Однако сведения об истории тюркских народов не были предметом специального исследования. Имеются лишь некоторые фрагменты в переводе

³ Абдаллах ас-Сави. Мукаддама//Ал-Мас'уди. Ахбар аз-заман. Каир, 1935. С. XIV.

⁴ Ал-Мас'уди. Ахбар аз-заман (Критическое издание Абдаллах ас-Сави). Каир, 1935.

⁵ Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР: Краткий каталог. М., 1986. Ч. I. С. 419.

⁶ Al-Mas'udi. Les prairies d'or/Texte et traduction par C. Barbier de Meynard... I—IX. Paris, 1861—1877.

⁷ Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир. Каир, 1909 (далее: «Мурудж»).

⁸ Kitab tanbih va-l-ichraf, auctor Abu-l-Hasan Ali ibn Housein al-Masudi. Lugduni Batavorum/Ed. M. J. de Goeje. 1896 (BGA, VIII).

⁹ Mas'udi. Le livre de l'avertissement et de la revision.../Traduction par B. Carra de Vaux. Paris, 1897.

¹⁰ Крачковский И. Ю. Указ. статья. С. 174.

¹¹ Риттер К. Землеведение/Перевод, критические замечания В. Григорьева. СПб., 1898.

¹² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Бартольд В. В. Соч. Т. I. М., 1963.

¹³ Крачковский И. Ю. Указ. статья. С. 171—182.

¹⁴ Агаджанов А. С. Очерки истории огузов и туркмен IX—XII вв. в Средней Азии. Ашхабад, 1968.

¹⁵ Кумекоев Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

на русский язык из «Муруджа» и «Танбих ва-л-нишаф»¹⁶, относящиеся к истории древнеперсидских царей и огузских племен.

Прежде всего следует отметить, что в трудах ал-Мас'уди приведены оригинальные историко-географические, этнографические сведения о тюркских племенах и народностях Средней Азии и Восточного Туркестана. Они являются наиболее достоверными, ибо автор собрал их во время своих путешествий.

В этом отношении важное значение для нас имеет сочинение ал-Мас'уди «Мурудж аз-захаб». Книга начинается с обширного предисловия и включает 132 главы. Первые 70 глав посвящены в основном легендарным сообщениям о «сотворении мира»; приводятся сведения о морях, реках, горах, а также о разных племенах и народностях. Остальные 52 главы посвящены истории Арабского халифата от рождения Мухаммада до правления халифа ал-Му'ти (ум. 334/946).

Наиболее ценные сведения о тюркских племенах и народностях Средней Азии и Восточного Туркестана содержатся в главах 8, 9, 14—17 и 34. Они позволяют определить территорию расселения тюркских племен к X в.

Как известно, средневековые восточные географы, начиная с Мухаммада ал-Хорезми (ок. 783—850)¹⁷, делили «обитаемую четверть Земли» (руб'и маскун) на семь климатов. Ал-Мас'уди тоже следует этой традиции. Тюрков он размещает в шестом климате вместе с племенами хазар, славян и дейлемитов. В шестой климат им включены также Кавказские горы, Черное и Каспийское моря и сопредельные области.

В главе о морях и реках ал-Мас'уди упоминает об Аральском море и пишет, что вокруг него живут тюрки-мусульмане из племени гуззов (огуззов). Племя гузз, согласно сведениям автора, делилось на три группы: верхние, нижние и средние. Это племя, как указывается в источнике, уже к IX в. приняло ислам, что подтверждается и сведениями из других источников¹⁸.

Интересные сообщения приводит ал-Мас'уди о таких тюркских племенах Средней Азии, как карлуки, халаджи, токузогузы и др. Карлуки и токузогузы, по его словам, были расселены в районе Кусан¹⁹ и создали здесь свое государство²⁰. Видно, при написании этой главы ал-Мас'уди пользовался более ранним источником, так как ко времени написания его труда карлуки в основном населяли уже Мавераннахр²¹.

Важные сведения приводятся о других тюркских племенах: барсханы, халаджи, джари и др. Автор сообщает, что племя барсхан²² к X в. проживало в Восточном Туркестане, халаджи — в Фергане и в окрестностях Ташкентской области. В другом месте ал-Мас'уди упоминает, что во время своих завоевательных походов арабы встретили упорное сопротивление со стороны халаджей, проживавших в Сеистане²³. Исходя из этого, можно предположить, что племя халадж делилось на две группы: южные и северные. В Сеистане и окрестных районах проживали южные, а в Фергане и окрестностях Ташкентской области — северные. Разумеется, в Ферганской и Ташкентской областях проживали и другие тюркские племена, как карлуки, чигилы и др.²⁴

Ал-Мас'уди приводит границы «мусульманского мира» и пишет, что в 20 днях пути от г. Балха был рабад Асхабан, где проживали «неверные тюрки»: вахханцы, тибетцы. Видимо, речь здесь идет о районах Восточного Памира и Тибета.

Титул царя тюрков, по сведениям автора, был «илхан». Здесь, вероятно, ал-Мас'уди пользовался более ранним источником, так как к концу VI в. главой всех тюрков был Бумын (ум. 552г.), который принял титул «ил-хан»²⁵.

¹⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1936. С. 166—167; Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1958. Т. XVI. С. 469—473.

¹⁷ Мухаммад ибн Мусо ал-Хоразми. Танланган асарлар: Мақола-лар/Таржима ва изоҳлар муаллифи А. Аҳмедов. Тошкент, 1983. 292—304-бетлар.

¹⁸ См.: Агаджанов А. С. Указ. соч. С. 72—80.

¹⁹ Кусан — нынешний Кучар в СУАР КНР. Средневековый энциклопедист Иа'кут сообщает, что Кусан — город тюрков, в котором правил царь из племени токузогуз (Му'джам ал-булдан. Т. VI. Каир, 1906. С. 294).

²⁰ Мурудж. С. 184. Скорее это было политическое объединение.

²¹ Шаниязов К. Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1967.

²² Т. К. Чороев при интерпретации сведений Махмуда Кашгари о барсганцах Прииссыккулья XI в. вслед за В. В. Бартольдом считает, что здесь в X—XI вв. не было племени «барсган», а был говор расселения Барсганского удела Караханидов (См.: Чороев Т. К. По поводу рассмотрения топонима Барсган/Барсхан как этнонима//Материалы VIII Межреспубликанской конференции молодых ученых АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1986. С. 332—333). Тем не менее среди тюркских племен раннего средневековья могло оказаться и племя барсган, как сообщают ал-Мас'уди и Мерверуди (нач. XIII в.). О сообщении Мерверуди см.: Ахмедов Б. А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 25.

²³ Мурудж. С. 247.

²⁴ Шаниязов К. Указ. соч. С. 19—31.

²⁵ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 28.

Как известно, караванный путь из Средней Азии в Китай проходил по двум направлениям: северный маршрут — через Ташкент — Чимкент — Аспару — Турфан — Кумул, южный — через Ферганскую долину в Кашгар, Хотан, Яркенд и далее в Китай²⁶. Мас'уди упоминает, что южный путь вплоть до границ Китая контролировался тюркскими племенами²⁷.

У ал-Мас'уди мы находим также интересные сообщения о религии и верованиях тюркских племен и народностей. В частности, он пишет: «У токузогузов (уйгуров.— З. Ш.) вера манихейская. У тюрков нет другого племени, которое веровало в эту религию»²⁸. Необходимо отметить, что арабоязычные авторы не всегда отличали манихейство от буддизма, отчего некоторые из них (Беруни) приписывали манихейство было распространено только среди уйгуров. Позднее манихейство среди уйгуров уступило место буддизму и христианству³⁰. Вообще у тюрков были распространены разные верования: буддизм, христианство, ислам, манихейство и др.

В «Мурудже» приводятся интересные сообщения о хозяйстве тюрков. В главе о Каспийском море автор сообщает, что сюда приезжали купцы из разных стран и среди них были тюрки, привозившие черные и красные меха³¹. В другом месте автор упоминает, что, кроме охоты, тюрки занимались также земледелием и скотоводством³².

Суммируя сказанное, можно заключить, что, по ал-Мас'уди, к X в. тюрки обитали в обширном регионе от Каспийского моря до Китая. Но, хотя, исходя из лингвистических характеристик, их всех называли «тюрками», сведения ал-Мас'уди дают возможность предполагать, что они относились к различным племенным объединениям, находившимся на разных уровнях культурного развития. Например, в одном источнике говорится о тюрках, у которых не было даже железного оружия и стрелы выделывались из костей³³.

Проживая на огромной территории и в подавляющем большинстве своем будучи кочевниками, постепенно переходившими к оседлости, тюрки передавали местному населению некоторые черты своего образа жизни и культуры и, в свою очередь, приобретали культурные навыки оседлых народов.

Сведения ал-Мас'уди о хозяйствах, обычаях и верованиях тюркских племен IX—X вв. имеют большую историческую ценность. Критическое изучение всех сообщений ал-Мас'уди о тюркских племенах в сопоставлении с данными других источников IX—X вв. (китайские, армянские, персидские) позволит полнее и глубже выявить некоторые стороны этнической истории тюркских племен и народностей данного периода.

Ш. Т. Закиров

²⁶ Бартольд В. В. Улугбек//Бартольд В. В. Соч. Т. V. С. 67; Его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Там же. Т. I. С. 234; Бурнев А. Дневник путешествия Гияс ад-Дина Наккаша как исторический источник//Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 11. С. 47.

²⁷ Мурудж. С. 245.

²⁸ Там же. С. 254.

²⁹ Бартольд В. В. Соч. Т. IV. С. 58.

³⁰ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1966. С. 44.

³¹ Мурудж. С. 81.

³² Мас'уди. Ахбар аз-заман. С. 71.

³³ Kitab al-alak an-nafisa/Auctor Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh, et Kitab al-boldan/Auctor Ahmed ibn Abu Jakub ibn Wadih al-Katib al-Jakubi/Ed. M. J. de Goeje. Edit. 2. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VIII). P. II. 295 p.

ИСТОРИОГРАФИЯ

«ХУДЖУМ» В ЛИТЕРАТУРЕ 20—30-Х ГОДОВ И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВОВЕДОВ В ОСВЕЩЕНИИ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В УЗБЕКИСТАНЕ

Говоря о «Худжуме» — революционном этапе в процессе раскрепощения женщин Средней Азии, нельзя не сказать о литературе того времени, уделившей много внимания освещению данной проблемы. Литература 20—30-х годов — это публицистика, моментально реагирующая на события дня, реагирующая остро, критически, это первые научные исследования общественных явлений. Ярко, убедительно рассказывает она и о том, как шел грандиозный по своему значению, невиданный доселе процесс рождения новой женщины Востока.

Периодическая печать была зеркалом истории решения женского вопроса на Советском Востоке. Не было ни одного журнала и газеты, которые не касались бы этой насущной проблемы. «Коммунист», «Революция и национальности», «Коммуни-

стическая революция», «Спутник коммуниста», «За партию», «Партработник», «Коммунистка», «Бюллетень отдела работниц и деженок Средазбюро ЦК ВКП(б)», «Работница», «Крестьянка», узбекский женский журнал «Янги юл», таджикский — «Борохи Ленини», «туркменский — «Ишчи дайхан аяллар», научные издания — «Новый Восток», «Туркменоведение», органы различных хозяйственных и профсоюзных ведомств: «Народное хозяйство Средней Азии», «Красная нива», «Наши достижения», «Безбожник», «Вопросы профдвижения» — вот неполный перечень журналов, в которых отражались все аспекты «Худжума».

«Худжум», развернувшийся в 1927 г., продолжался вплоть до самого начала Великой Отечественной войны, но первые пять лет были самыми действительными и результативными. Об этом свидетельствует прежде всего женская печать. Трибуной «Худжума» в Узбекистане был журнал «Янги юл» — орган женотдела ЦК КП(б)Уз, который детально освещал все злободневные вопросы борьбы за раскрепощение женщин и был очень популярен среди женских масс. В нем печатали свои актуальные статьи активные борцы за раскрепощение женщин Советского Востока: С. Т. Любимова, одна из первых организаторов женского движения в крае, кадровый партийный работник, в 1923—1926 гг. заведовавшая женотделом ЦК КПТ и женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б), Е. Росс, Е. Рачинская, Дж. Абидова, Т. Шаднева, С. Халдарова, Х. Тилляханова, М. Шамансурова, Х. Таджиева, Т. Рустамбекова, Д. Ходжаева, Б. Джалалова, С. Бурнашева и др. Журнал обучал, просвещал, рассказывал о мероприятиях Коммунистической партии по освобождению женщин, о вступлении их в артели, школы, клубы, о снятии паранджи тысячами и тысячами узбекских женщин.

«Худжум» был объектом пристального внимания и изучения и во всесоюзном масштабе. В этой связи следует особо сказать о роли журнала «Коммунистка», органа отдела ЦК ВКП(б) по работе среди работниц и крестьянок, издававшегося с 1920 по 1930 г. Ответственным редактором его была Н. К. Крупская. Практически он освещал все вопросы женского движения в СССР, формы и методы работы женотделов ЦК союзных республик, достигнутые успехи и недостатки, теоретические проблемы женского движения, рецензировал новейшую литературу по данной проблеме и т. д.

Большое внимание уделялось и работе среди женщин Советского Востока, особенно Средней Азии. Нет ни одного номера журнала, в котором не было бы статьи с мест о ходе раскрепощения женщин в Узбекистане и других республиках Советского Востока. Они помещались в разделах: «В национальных республиках», «На местах», «На Востоке», «Под знаком раскрепощения» и др. В разделах «Дискуссионный листок», «В порядке обсуждения» помещались статьи, в которых выдвигались новые формы и методы работы.

Одним из острых вопросов «Худжума» было снятие паранджи. Как известно, первые шаги наступления на старый быт ознаменовались массовым сбрасыванием паранджи женщинами на многолюдных митингах и собраниях. Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана А. Икрамов, выступая на Всеузбекском совещании женработников, отмечал, что успехи «Худжума» очень велики: уже на первом его этапе 100 тыс. женщин сняли паранджу, работало 120 школ ликбеза, охвативших до 5 тыс. женщин, народными заседателями были избраны 5202 женщины¹.

Однако после первой успешной волны начались массовые притеснения женщин со стороны духовенства и реакционных элементов, и многие женщины вновь вернулись к парандже и затворничеству. Это явление имело большой общественный резонанс. Женотделы стали искать новые формы работы. В этих условиях перед ними встал вопрос о декретировании отмены паранджи и чадры. Впервые он был поднят в Азербайджане, где прошла большая дискуссия в периодической печати, продолжавшаяся на Закавказском краевом совещании работников среди женщин (16 июня 1928 г.).

В Узбекистане данный вопрос был предметом обсуждения не только женотделов, но и широкой массы трудящихся. В редакцию журнала «Янги юл» и центральных газет Узбекистана приходили письма с просьбами к правительству издать такой декрет. Причем за это высказывались многие партийные работники, в частности женработники. Так же настойчиво ставил вопрос женотдел Казахского крайкома партии для своих районов с узбекским населением. «Коммунистка» предоставила свои страницы для дискуссии по данному вопросу. В статьях «Нужно ли издать декрет, запрещающий ношение чадры» С. Любимовой, «Декрет о чадре и общество «Долой калым и многоженство» К. Ишковой, «Нужен ли декрет, запрещающий ношение чадры» высказывались два противоположных мнения: за и против издания декрета.

Так, С. Т. Любимова писала: «Прежде всего декрет облегчит трудящимся массам проведение борьбы за раскрепощение женщин. В настоящее время разрешение вопроса о снятии чадры является делом доброй воли и желания каждого. При этой добровольности каждый мулла имеет в своих руках огромное орудие агитации против раскрепощения. Каждый мулла имеет возможность застрашать мусульманина всеми муками ада... Мулла указывает на коран, по которому приказано держать

¹ Правда Востока. 1927. 7 окт.

жену под покрывалом. А у мусульманина нет той «уважительной причины», на которую он мог бы указать, нарушая религиозный закон. Декрет прежде всего явится также этой «уважительной причиной»².

Конечно, введение декрета не составляло большого труда, но этот вопрос требовал глубокой проработки и тонкого подхода. Многие партийные работники настойчиво утверждали: «Путем декрета нельзя запретить ношение чадры». «Чадра — это вопрос экономического раскрепощения женщин. Мы должны считаться с тем, что если мы запретим женщине ношение чадры, то ее муж может выбросить на улицу». Указывалось, что прежде всего надо обеспечить экономическое раскрепощение женщин, а вместе с тем усилить агитационно-разъяснительную работу.

Пример такой хорошей работы женотделов дала Бухара, где все женщины были открыты без декрета³.

В Узбекистане дискуссия закончилась решением III съезда Советов. Выступивший на нем Председатель ЦИК УзССР Ю. Ахунбабаев говорил: «Методами администрирования, методами декретного порядка нашу работу по раскрепощению мы вести не будем... Мы говорим о необходимости поставить глубже, серьезнее вопрос. Создать экономическую базу для раскрепощения... Раскрепощение нами декретировано давно. Юридически женщина раскрепощена, уравнена во всех правах с мужчиной еще в дни Октябрьской революции. Сейчас же речь идет о том, чтобы реализовать эти законы, которые мы дали, добиться проведения их в жизнь, добиться фактического раскрепощения».

Дискутировался и вопрос о создании общества «Долой калым и многоженство». На страницах «Коммунистки» выступили З. Прищепчик — зав. женотделом ЦК КП(б) Уз и Арыкова (женработник из Казахстана), которые выдвигали идею создания такого общества. Оно должно было бороться за новый быт, за распространение санитарно-гигиенических знаний, содействовать советским органам в проведении законодательства по бытовым преступлениям, развитию сети учреждений охраны материнства, прививать женщинам элементарные знания по домоводству. Его инициаторы были одержимы стремлением добиться скорейшего перелома в сознании масс в деле раскрепощения женщин.

Однако это было бы дублированием функций бытовых секций Советов, женских клубов, профсоюзов и других организаций. С. Т. Любимова и А. Нухрат писали, что нет необходимости в создании организации, которая будет вести работу, параллельную с бытовыми секциями, но без достаточного руководства со стороны Советов и примерно теми же силами, что и бытовые секции⁴. Другой участник дискуссии, Жукова утверждала: «Дробить внимание и силы наших работников на новые надстройки, отвлекать партию от органического руководства делом раскрепощения труженицы, размагничивать в этом вопросе другие общественные организации, которые только что начали работать, — будет вредным для дела раскрепощения»⁵. Большинство участников дискуссии выступило против создания общества.

Итак, декрет не был принят и общество не было создано, однако нельзя сказать, что партийные работники, которые ратовали за эти идеи, отвлекались от основной работы, «размагничивали» работу, как писала Жукова. Их напряженная деятельность была сопряжена с постоянным поиском новых путей скорейшего выхода женщин из затворничества. Пути эти были непроторены и неизведаны, а потому порою допускались ошибки, но в дискуссиях и спорах рождались единственно верные и оправданные жизнью решения. Надо сказать, что итоги такого рода дискуссий рассматривались на совещаниях женотдела ЦК ВКП(б) и принимались соответствующие решения.

Время «Худжума» было суровым и драматичным. Авторы выходящих публикаций нередко были резкими в оценке работы женотделов, но это помогало выявлять ошибки и устранять их. Детальному анализу работы парторганизации Узбекистана среди женщин на первом этапе «Худжума» была посвящена большая статья заведующей женотделом ЦК ВКП(б) (1925—1930 гг.) А. Артюхиной⁶. Читая выделенные жирным шрифтом разделы статьи: «Работа с обучающимися в техникумах не поставлена», «Работа клубов заброшена», «Работа делегатских собраний слаба», «Учреждения материнства и младенчества численно выросли, но работы с матерями не ведется», «Советский актив не обрабатывается», «Партия работу ослабила, а враги этим воспользовались» и др., — не думаешь о том, что работа велась плохо, напрашивается вывод, что эта детальная критика недостатков в сущности позволяла отсечь мелкое, ненужное, ясно видеть основные ошибки и исправлять их. Она

² Коммунистка. 1928. № 8. С. 73.

³ См.: Ходжаев Ф. Народное хозяйство Узбекистана: Итоги и перспективы (К III съезду Советов УзССР) [1928 г.]//Ходжаев Ф. Избр. труды. Т. 2. Ташкент, 1972. С. 286.

⁴ Любимова С. Т. Декрет о чадре и общество «Долой калым и многоженство»//Коммунистка. 1928. № 8. С. 77; Нухрат А. Итоги дискуссии//Коммунистка. 1928. № 11. С. 58.

⁵ Жукова. Новое увлечение старой идеей//Коммунистка. 1928. № 10. С. 20.

⁶ Артюхина А. От «наступления» к систематической работе (К обследованию работы в Средней Азии)//Коммунистка. 1928. № 1. С. 57—63.

служила на пользу трудному и громадному по своему объему и значимости делу раскрепощения женщин. И только после этого, главного в разборе работы, А. Артюхина пишет о положительных сторонах. При всех указанных недочетах в деятельности: Компартии Узбекистана «наступление», начатое в республике, имело и ту положительную сторону, что содействовало выявлению как врагов, так и союзников партии в работе по раскрепощению женщин. «Худжум» стал проверкой и для самой парторганизации Узбекистана в части идеологической выдержанности ее актива. Из числа последнего отсеялись люди, не пожелавшие порвать связи с муллами и ишанами, оказавшиеся под влиянием идеологии, чуждой партии. «Наступление» еще раз подтвердило, что первыми союзниками в борьбе за новый быт явились узбекские рабочие и деревенская беднота⁷. Отсюда А. Артюхина делала общий вывод о том, что «Худжум» не только создал новую женщину, равноправную соиздательницу нового общества, но и укрепил партию, очистил ее ряды и дал мощную поддержку в лице трудового народа.

И все-таки некоторые современные авторы эту категоричность и критичность, характерную для того времени, воспринимают как свидетельство больших неудач. Так, автор книги «Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.)» (М., 1978) П. М. Чирков называет «Худжум» неудачной кампанией 1927 г. (с. 186). Такая постановка вопроса неправомерна. Статья И. А. Зеленского — председателя Средазбюро ЦК ВКП(б), опубликованная в журнале «За партию»⁸, дала четкий ответ на подобные мнения. Он писал: «Есть товарищи, которые говорят, что, мол, мы в деле борьбы за раскрепощение женщин потерпели поражение. Это неправильная постановка вопроса. Ни о каком поражении речи быть не может (курсив И. А. Зеленского.—Д. А.). Можно было бы говорить о поражении тогда, если бы в процессе борьбы мы растеряли наши классовые силы, союзников. Практический опыт показал, что рабочих, батрак и бедняк полностью с нами, готовы драться в открытую с баем, кулаком, лавочником и на этом участке. Если сравнивать сегодняшнее положение с исходным пунктом, ...мы сегодня находимся далеко от исходных позиций».

Что касается ошибок, приведенных в 1927 г. к спаду движения, то многие авторы того времени, да и современные историки считали главным допущение административного давления на процесс открытия женщин и неиспользование достигнутых положительных результатов «Худжума». А. Нухрат писала: «...Отрицательные результаты получились из-за того, что кампания борьбы с затворничеством не подкреплялась практически мероприятиями по раскрепощению женщин. Сбросившие чадру женщины были предоставлены самим себе, их не втянули в общественную работу, не сумели охватить производством, массовой, воспитательной работой»⁹.

И. А. Зеленский указывал и на более глубокие социально-экономические мотивы спада движения. Значительную часть населения «старых» городов составляли кустари и мелкие торговцы, которые вследствие бурного развития кустарной промышленности разорялись, а «процессы экономической дезорганизации мелкого торговца и кустаря не могли не вести к тому, чтобы не усиливать количества враждебно настроенных по отношению к партии и советскому государству групп»¹⁰. В раскрепощении женщин они не видели для себя экономических выгод и потому не поддерживали, а зачастую враждебно относились к открытию женщин. Эти группы и должны были быть объектом усиленной агитации. В кишлаках же «Худжум» проходил успешнее. Дехканин был заинтересован в открытии женщины и участии ее в сельскохозяйственных работах. Кроме того, земельно-водная реформа во многом способствовала активизации сельских женщин.

На первом этапе раскрепощения женщины партии приходилось вести работу не только среди населения, но прежде всего среди тех коммунистов, которые, проповедуя равноправие женщин на работе, в семье продолжали феодально-байский образ жизни и не хотели открывать своих жен, матерей, сестер. С. Т. Любимова, А. Нухрат, Ф. Нюрина, А. Артюхина, М. Муратова и многие другие ответственные работники женотделов, имевшие непосредственное отношение к раскрепощению женщин в республиках Средней Азии, а в Узбекистане: Д. Абидова, З. Прищепчик, Т. Шадиева, С. Халдарова и др.—призывали в своих статьях усилить борьбу с примиренческим отношением коммунистов к неравноправному положению женщин в быту и семье и требовали строгого партийного наказания таких членов партии. Н. К. Крупская в письме работницам и дехканкам Средней Азии, приветствуя «Худжум», писала: «Трудно отказываться от старого, трудно отвыкать быть господином. Но надо помнить, что тот, кто не помогает освобождению женщин, кто держит в рабстве свою жену, сестру, дочь,—не достоин носить имя коммуниста и комсомольца»¹¹.

Неравноправное положение женщин, укоренившееся в сознании людей, было труднопреодолимым барьером и в судопроизводстве. Этим определялась слабая деятельность судебных органов, которая подвергалась критике в печати. Так, М. Амо-

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Зеленский И. А. В борьбе за раскрепощение женщин//За партию. 1927. № 4. С. 39—44.

⁹ Нухрат А. Октябрь и женщина Востока. М., 1932. С. 27.

¹⁰ За партию. 1927. № 4. С. 39.

¹¹ Правда Востока. 1927. 9 марта.

сов писал: «В самый разгар этого прямого басмаческого выступления против женщин в Узбекистане наблюдалось наибольшее ослабление и прямое искривление работы карательных и судебных органов... Чрезвычайная медлительность при разборе дел об убийстве женщин, очень мягкие приговоры в отношении баев и мулл, являвшихся вдохновителями и подстрекателями убийств,— все это создавало впечатление о беззащитности женщин и о безнаказанности убийц. Такое положение не могло не повлиять на дело раскрепощения женщин»¹².

Подобные явления наблюдались и в других среднеазиатских республиках. Анализируя, например, работу судебных органов Туркмении, публицисты объясняли их слабую деятельность по защите женщин недостатком квалифицированных кадров, а главное тем, что работники следственных органов из коренного населения смотрели на женщину и ее права не с точки зрения советского законодательства, а «с точки зрения адата»¹³.

Такие критические выступления в печати, а также сигналы с мест не оставлялись без внимания. 12 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) направил парторганизациям Средней Азии письмо, в котором призвал, в числе других задач, обратить внимание на неуклонное проведение в жизнь судебными органами советского законодательства о правах женщин. Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК Компартии Узбекистана приняли ряд постановлений, направленных на искоренение ошибок, допущенных в ходе «Худжума». В Узбекистане большое внимание стало уделяться подготовке женских кадров из местного населения для органов судопроизводства, усилилась популяризация советских законов, агитационная работа женотделов, расширилась сеть юридических консультаций, повсеместно устраивались открытые показательные процессы над убийцами женщин.

Все это находило широкое отражение в печати. Так, в газете «Правда Востока» была введена рубрика «Против паранджи и чачвана», в журнале «Янги юл» — «Из зала суда», где помещались статьи о наказании и осуждении преступников. «Худжум» из ударной кампании превращался в кропотливую систематическую работу. 1928 год ознаменовался новым подъемом активности женских масс. В статьях С. Халдаровой — «Худжум шнорини мустахамлаш йули», Д. Абидовой — «Беш йиллик кураш ва мехнаткаш хотин-кизларни озодликка чиқориш» (Янги юл. 1928. № 6. С. 4; 1930. № 1. С. 3—5), А. Рогова — «По кишлакам и аулам Средней Азии» (За партнью. 1928. № 1. С. 91—99) и многих других говорилось о том, что «Худжум» широко зашагал по городам и кишлакам Узбекистана, завоевывая все новые позиции.

Большое значение придавали «Худжуму» не только практические работники, но и ученые — историки, экономисты и особенно востоковеды, которые старались своими трудами содействовать развитию женского движения на Советском Востоке.

В Коммунистической Академии в 1928 г. была организована секция по изучению теории и практики международного женского движения. Она ставила своей задачей изучение вопросов женского труда в капиталистических странах и СССР; участие женщин в различных формах классово-борьбы; особое внимание планировалось уделять изучению положения женщин на Востоке, в том числе в Средней Азии. Заведовала секцией известная деятельница международного женского движения К. Цеткин. В своих выступлениях и докладах она подчеркивала значимость для теории и практики женского движения глубокого изучения положения женщины в прошлом и настоящем. Особое значение придавала она изучению женского труда в республиках Средней Азии, мечтая, по свидетельству Н. К. Крупской, поехать в колхозы этих республик. К сожалению, этому не суждено было осуществиться, но сотрудники секции совместно с Аграрным институтом Комкадемии проводили обследование женского труда в колхозах Средней Азии, в частности Узбекистана. Результаты его легли в основу одного из разделов книги «Женщина в колхозе», выпущенной в 1930 г.

Большое внимание уделяла женскому вопросу Научная ассоциация востоковедения. В июне 1928 г. состоялось первое организационное заседание Комиссии по изучению труда и быта женщин Востока, созданной тогда при Научной ассоциации востоковедения (НАВ), заседание проходило с участием представителей ЦК ВКП(б), Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) и научных сотрудников НАВ. Были намечены основные направления работы Комиссии и избрано бюро под председательством С. Т. Любимовой. Оно разработало программу работы Комиссии на три месяца. Основным в ней было детальное исследование экономического положения женщин, условий их труда, борьбы за раскрепощение, развития законодательства о защите прав женщин и вопросов женского образования в республиках Советского Востока. Ряд научных сотрудников НАВ были командированы в Закавказье и Среднюю Азию. Результаты их обследований заслушивались на заседаниях Комиссии. После назначения С. Т. Любимовой председателем Калужского губисполкома председателем Комиссии стала А. Нухрат.

Комиссия НАВ работала в тесном контакте с женотделом и Комиссией ВЦИК

¹² Коммунистка. 1929. № 14. С. 25.

¹³ Никифоров И. Бюрократы искривляют линию партии//Коммунистка. 1929. № 5. С. 45—46; Мичурин Т. Правовое положение женщины в Туркмении//Коммунистка. 1926. № 10—11. С. 80—83.

по улучшению труда и быта (КУБТ). На совместных заседаниях заслушивались отчеты о проведенных обследованиях на местах. Тем самым научная комиссия оказывала помощь практической работе женотделов. Так, на расширенном заседании КУБТ совместно с делегатками Всесоюзного совещания по работе среди женщин Востока (1929 г.) заведующий политико-экономическим отделом НАВ М. И. Целищев сделал доклад о работе НАВ по изучению положения женщин на Советском Востоке. На другом заседании при участии Комиссии по изучению ислама были заслушаны доклады Дигурова — «Борьба с бытовыми преступлениями на Советском Востоке» и Н. А. Смирнова — «К вопросу о происхождении покрывала мусульманской женщины»¹⁴.

Важным моментом в координации научных работ по проблеме раскрепощения женщин Советского Востока стал созыв совещания научных учреждений Москвы и Ленинграда. В совещании, начавшемся 5 марта 1929 г., принимали участие КУБТ, женкомиссия НАВ, секция Комакадемии по изучению теории и практики международного женского движения, Музей народоведения, Музей восточных культур, Институт этнических культур народов Востока, ВОКС, женотдел ЦК ВКП(б), представители ВЦСПС и Наркомата труда.

Выступившие на совещании научные сотрудники и женработники говорили о том, какой широкий размах получило женское движение в Средней Азии и Азербайджане против паранджи и чадры и какое яростное сопротивление встречало оно со стороны эксплуататорских элементов. Они подчеркивали, что в этой обстановке научные учреждения должны оказывать женскому вопросу максимум внимания, всеми силами помогать женотделам в борьбе за раскрепощение женщин. Для этого необходимо всестороннее изучение этой проблемы и прежде всего — «роли женщины в хозяйстве наших восточных республик, условий ее труда, его оплаты, производительности» и вообще «местной экономики и местного быта».

Второй не менее важной задачей, которую ставило совещание, было изучение положения женщины в быту. Чтобы бороться с такими бытовыми пережитками, как калым, многоженство, умыкание невест и др., надо было изучить исторические и экономические корни этих явлений. Особое место занимал вопрос об исследовании противоречий между советским законодательством о правах женщин и религиозным правом, которое еще сохраняло силу и тормозило дело раскрепощения женщин. Важной задачей было и глубокое изучение практической деятельности партии по данному вопросу¹⁵.

Таким образом, намечался всесторонний научный охват проблемы. Совещание постановило: «...Изыскать средства для издания научных трудов, результатов экспедиций различных учреждений в области изучения труда и быта женщин»; согласовать работу в этом направлении во избежание дублирования, а также создать печатный орган, который отражал бы эту работу¹⁶.

Постановление совещания в целом успешно выполнялось. Но особый печатный орган не был создан. Да в этом и не было необходимости. Все вопросы раскрепощения женщин, и научные, и практические, освещались как в специальных женских журналах, так и в печатных органах научных учреждений. Трудно переоценить значение этого совещания как сплава теоретической и практической работы по женскому вопросу, тем более, что впервые начиналось научное изучение вопросов труда и быта женщин на Советском Востоке.

Основной костяк исследователей составляли востоковеды. Помощь их была весьма существенна для партийных органов в столь важной области работы, как раскрепощение женщин. Не боясь трудностей и опасностей, с помощью работников женотделов Средней Азии они ездили по кишлакам и городам в поисках материалов для своих будущих работ (Е. Штейнберг — в Туркмении, Н. Смирнов — в Киргизии, В. Москалев — в Узбекистане). Этому во многом способствовал контакт, налаженный между НАВ и КУБТ республик Советского Востока.

По результатам исследований были опубликованы статьи и целый ряд брошюр из серии «Труженица Востока». В брошюрах В. Москалева — «Узбечка», С. Ивановского — «Таджичка», Н. Венедиктова — «Туркменка», Н. Смирнова — «Чадра» и др. была дана экономическая характеристика республик: описывались положение женщины до Октябрьской революции и те колоссальные изменения, которые произошли в их жизни за годы Советской власти; говорилось о роли «Худжума» в жизни женщин Средней Азии; приводились цифровые данные о составе женщины в партии и Советах, о численности их в школах и клубах. Правда, порою эти данные были неполными, неточными, противоречивыми, что объяснялось тем что еще не была налажена статистическая работа.

Различным аспектам женского труда были посвящены многочисленные статьи и такие брошюры, как «Октябрь и женщина Востока» А. Нухрат, «Женский труд на девятом году Октябрьской революции» и «Женские кустарные промыслы на Востоке» З. Сейфи, «Женщина в борьбе за урожай и организационно-хозяйственное укрепле-

¹⁴ Новый Восток. 1929. № 25. С. 364.

¹⁵ Там же. № 26—27. С. 425.

¹⁶ Там же. С. 426.

ние колхозов» Г. Мастюковой, «Колхозницы Советского Востока» П. Бурениной и т. д. Эти издания не были лишены отдельных ошибок и неточностей. Но их авторы опирались на марксистско-ленинскую методологию решения женского вопроса, а главное — не просто описывали положение женщин, но выдвигали рациональные идеи по улучшению работы среди них, эффективному использованию их труда в народном хозяйстве. Литература по женскому вопросу тех лет давала не знакомому со Средней Азией читателю ясное представление о тех бурных, необратимых процессах, которые происходили в жизни ранее темных, забытых и бесправных женщин Востока.

Общественно-политическая литература о «Худжуме» весьма многообразна и обильна. В ней отражалась вся история женского движения со всеми ее трудностями и успехами. Она служила мощным оружием в борьбе за женское равноправие, неся в себе и свидетельство тесного контакта практики с теорией. История женского движения создавалась ежедневно партийными работниками, публицистами, непосредственными участниками раскрепощения женщин и первыми исследователями вопроса, для которых были свойственны поисковость, показ, наряду с грандиозными успехами, и всех негативных явлений, сопутствующих им. Вместе с тем они страстно и убежденно пропагандировали идеи раскрепощения женщин коренного населения, выдвигали наиболее острые, насущные вопросы работы среди них.

В литературе 20—30-х годов запечатлен бесценный опыт Коммунистической партии по раскрепощению женщины Советского Востока, который стал примером для зарубежных стран, избравших путь социалистической ориентации.

С тех пор наша историческая наука обогатилась подлинно научными исследованиями по истории решения женского вопроса. Она располагает многообразием журнальных статей, диссертаций, брошюр и монографий, рассказывающих о деятельности Коммунистической партии и Советского государства по раскрепощению женщин Узбекистана и других среднеазиатских республик в трудные 20—30-е годы. Тем не менее некоторые аспекты вопроса остаются еще не исчерпанными (в частности, те теневые моменты, которые были в работе среди женщин); не изучены биографии многих непосредственных участниц женского движения в Узбекистане; в детальном освещении нуждается история создания женских клубов, домов дехканок, делегатских собраний, которые сыграли большую роль в культурном и политическом просвещении женщин коренного населения.

Думается, что историкам при исследовании этой темы надо извлекать из архивов и материалов печати тех лет не только положительные характеристики женского движения, но и свидетельства отрицательных явлений, имевшихся в работе среди женщин. Это поможет глубже понять, в каких невероятно трудных условиях, как объективного, так и субъективного характера, приходилось решать вопрос о раскрепощении женщин Узбекистана.

Из литературы 20—30-х годов можно извлечь много полезного и поучительного и для работы среди женщин в настоящее время. Ведь женский вопрос не утратил своей актуальности и в наши дни.

Принятая XXVII съездом КПСС грандиозная социально-экономическая программа включает и ряд важных мер по дальнейшему улучшению условий труда, быта, отдыха женщин. Как указывалось на XXVII съезде КПСС, а применительно к нашей республике — на XXI съезде Компартии Узбекистана, еще имеются и негативные явления: недостаточное вовлечение женщин в общественное производство, общественно-политическую жизнь, выдвижение их на руководящие должности.

Определенные условия социалистического общества, отставание сферы обслуживания от темпов развития народного хозяйства способствуют сохранению противоречия между профессиональной деятельностью женщин и ее социальной ролью жены и матери. Это пока одна из главных нерешенных проблем. Одно из выражений этого противоречия — наличие у работающих женщин второй рабочей смены. Вся тяжесть бытового труда лежит на плечах женщины, а чем больше занятость женщины домашним трудом, тем меньше у них свободного времени и на воспитание детей, и на культурное самообразование. Усталость отрицательно сказывается и на производственной деятельности женщин, и на их общественно-политической активности.

Воспитание детей требует значительно большего времени и внимания. Ведь, по словам В. И. Ленина, материнство индивидуальное перерождается в материнство социальное¹⁷. Ребенок — это общественная ценность и то, каким будет вклад этого будущего взрослого члена социалистического общества в его развитие, во многом зависит от воспитания в семье. Поэтому, на наш взгляд, нуждаются в изучении не только вопросы рационального использования женского труда в различных отраслях народного хозяйства, но и не менее важный вопрос о жизни женщин в быту, женском труде в домашнем хозяйстве, путях его облегчения.

Не менее актуально исследование проблемы психологической перестройки мужчин и женщин. Еще в 1920 г. В. И. Ленин говорил: «Наша коммунистическая работа среди женских масс включает в себя значительный кусок воспитательной работы среди мужчин. Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе. М., 1971. С. 182.

¹⁸ Там же. С. 203.

последних мельчайших корней ее»¹⁸. Это высказывание В. И. Ленина остается актуальным и сейчас, в условиях нашей республики, когда вскрыты факты феодально-байского отношения к женщине.

На IX пленуме ЦК Компартии Узбекистана говорилось о случаях самосожжения женщин как о нетерпимом явлении в нашей жизни, указывалось на необходимость усиления атеистической пропаганды¹⁹. Известно, что сохранению пережитков феодально-байского отношения к женщине способствует религиозное мировоззрение. В этом плане необходимо обследование степени религиозности женщин, да и мужчин. Нужны исследования о формах и методах атеистического воспитания женщин, которыми мы пока не располагаем.

На наш взгляд, в республике, где большая семья является незыблемым авторитетом, необходим единый научный центр по изучению социальных проблем семьи, женского вопроса в целом и вытекающих из него проблем.

В принятом недавно постановлении Президиума Верховного Совета УзССР ставятся большие задачи перед партийными и общественными организациями по работе среди женщин²⁰. Наши обществоведы призваны оказывать существенную помощь этой работе, объединив свои усилия для создания глубоких научных трудов. В решении женского вопроса на современном этапе теория должна активно служить практике, как это было в годы проведения «Худжума».

Д. А. Алимова

¹⁹ Правда Востока. 1988. 31 янв.

²⁰ Там же. 27 февр.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. С. САГДУЛЛАЕВ. УСАДЬБЫ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

(Ташкент: Фан, 1987. 110 с., 35 рис.)

Рецензируемая работа состоит из введения, 6 разделов и заключения, с приложением иллюстративного материала (35 рис.). Основной текст также снабжен рядом приложений, посвященных архитектуре, керамике, костным остаткам и металлу раннежелезного века Южного Узбекистана.

В работе обобщаются результаты раскопок усадьбы Кызылча 6, вводятся в научный оборот новые материалы, впервые в археологической литературе Средней Азии рассматривается вопрос о генезисе поселений Бактрии раннежелезного века, анализируются историко-культурные процессы, протекавшие в Северной Бактрии той поры.

Во введении вкратце изложены история изучения памятников Бактрии раннежелезного века, а также характеризуются топография и стратиграфия памятников Миршадинского культурно-хозяйственного ирригационного района. На основе большого фактического материала из всех культурных наслоений Кызылча 6 выделяются четыре строительных горизонта, а следовательно, четыре разновременных археологических комплекса.

Рассмотрен и вопрос районирования поселений долины Сурхана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автор выделяет для периода Кызыл III 8 оседлоземледельческих районов (с. 11, 12). Нам кажется, однако, что нет оснований выделять Халкаджарский и Миршадинский ирригационные районы. Их надо было объединить, как показали предыдущие исследователи¹. Реки Миршади и Халкаджар — притоки единой реки Халкаджар (Тентаксай).

Нет оснований и для выделения Нижнесурханского (Приамударьинского) ирригационного района в рассматриваемое время. С городища Старого Термеза получено всего 3 экз. керамики данного периода². Нижнесурханский район сложился позже, с IV—III вв. до н. э. Шортена, включенный автором в Нижнесурханский ирригационный район, расположен на берегу р. Шерабад (Карасу) и, на наш взгляд, относится к Шерабадскому ирригационному району. На основе 3 экз. керамики, найденных на городище Старого Термеза, выделять целый ирригационный район мы считаем преждевременным.

В разделе, касающемся архитектуры, подробно характеризуются все 4 строительных периода усадьбы Кызылча 6. В разделе о строительных материалах и конструкциях автор рассматривает архитектурно-планировочные приемы, строительные материалы, технику и конструкции усадьбы.

В разделе о инвентаре описываются находки, полученные при раскопках усадь-

¹ Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени//СА. 1975. Вып 2. С. 262—266.

² Пидяев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 88.

бы. Нам кажется, автору можно было подробнее остановиться здесь на классификации керамики, ибо для Северной Бактрии существуют взаимоисключающие точки зрения при выделении керамических комплексов эпохи финальной бронзы и раннего железа³.

По данным А. С. Сагдуллаева, усадьба Кызылча 6 дает картину непрерывного развития керамических комплексов с конца первой трети I тыс. по IV в. до н. э. Таких эталонных памятников у нас еще очень мало, а хронологическая классификация керамики эпохи финальной бронзы и раннего железа требует дальнейшего уточнения.

По сравнению с предыдущими публикациями А. С. Сагдуллаева новым является выделение керамического комплекса Кызыл IV, который, по мнению автора, заполняет лауну между ахеменидским временем и эпохой ранней античности. Однако четкого отличия этого комплекса от керамического комплекса Кызыл III здесь не чувствуется. Керамические комплексы, переходные к раннеантичному периоду, характеризуются прежде всего появлением новых керамических форм, как цилиндрические сосуды (без подкоса), кубки, вазы, горшки с шаровидным туловом и др.; широко распространяется красный ангоб⁴.

Из описания керамики периода Кызыл IV и таблиц (27, 28) не видно развития новых форм и технологических признаков. Нам представляется, что автору не удалось выделить новый этап (Кызыл IV).

Автор называет керамические комплексы эпохи раннего железа (цилиндро-конические сосуды) «предахеменидскими» и «ахеменидскими» или керамикой типа Яз II—III, Кызыл II—III и др. Нам кажется, что их целесообразно, вслед за М. М. Дьяконовым и А. А. Аскарковым, именовать «древнебактрийскими»⁵. Керамические комплексы данного периода автор предлагает называть «предахеменидскими» и «ахеменидскими», хотя книгу свою он назвал «Усадьбы древней Бактрии». Это просто путает историческую картину.

В разделе «Хронология» автор привлекает широкие аналогии к керамическим комплексам и бронзовым предметам, но на основе самой стратиграфии Кызылтапа и усадьбы Кызылча 6 нижние слои (лепная керамика) памятников датируются им концом первой трети I тыс. до н. э., строительные горизонты I и II относятся к VII—VI вв. до н. э., а III—IV строительные горизонты предлагается датировать второй половиной VI—IV вв. до н. э. Здесь следовало бы дать сводные таблицы керамики, которые отражали бы этапы развития и эволюции керамических форм по всем четырем горизонтам.

В разделе «Архитектурная типология» автор рассматривает одну из важных проблем среднеазиатской археологии — генезис планировочных особенностей оседлых поселений. Он убедительно связывает генезис усадеб типа Кызылча с развитием более ранних поселений Средней Азии, отмечает сходство в планировке зданий эпохи бронзы на Келели⁶, поселении Сапалли⁷ и др. Сравниваются планировки Кызылча 6 с другими объектами из Бактрии, Северной Парфии, Согда и Хорезма.

В разделе «Историко-культурная интерпретация» автор, привлекая большую литературу по археологии, этнографии, а также данные письменных источников, рассматривает функциональные особенности помещений усадьбы Кызылча 6 и отдельные важные вопросы археологии, как палеодемография, хозяйство, домашние промыслы, семья и общество. Данный раздел является вкладом автора в постановку и решение этих вопросов для Бактрии эпохи раннего железа.

Как уже отмечалось, монография имеет много рисунков и таблиц. Большинство из них посвящено керамике, изделиям из камня и бронзы, относящимся к периодам Кызыл I и IV. В основном они были опубликованы автором в предыдущих работах⁸. Здесь же важно было либо изложить весь комплекс материалов, либо дать не опубликованные ранее формы и образцы.

В целом книга представляет большой интерес для специалистов, так как вводит в науку новые материалы и положения не только о материальной культуре, но и о социальном строе бактрийских племен, и является существенным вкладом в изучение культуры древней Бактрии.

Ш. Б. Шайдуллаев

³ Аскарков А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. С. 67; Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. канд. дис. Л., 1978.

⁴ Воробьева Г. В. Дингильдже//Труды ХАЭ. Вып. 9. 1973. С. 130; Усманова З. И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк Калы//Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. 1969; Филанович М. И. К характеристике древнего поселения на Афрасиабе//Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.

⁵ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадиан) в 1950—1951 гг.//МИА. 1953. № 37. С. 130; Аскарков А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. С. 9.

⁶ Масимов И. С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе//Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

⁷ Аскарков А. А. Сапалли-тепа. Ташкент, 1973.

⁸ Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии//СА. 1985. Вып. 4. С. 21—31.

НОВЫЕ КНИГИ

М. Х. МАХМУДОВ. ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К СОЦИАЛИЗМУ, МИНУЯ КАПИТАЛИЗМ

(Ташкент: Фан, 1987. 208 с.)

Работа посвящена анализу одного из сложнейших процессов современного мирового развития, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией,— некапиталистического пути развития народов Советского Востока, Монгольской Народной Республики и опыта социалистической ориентации ряда развивающихся стран.

Книга состоит из введения, двух частей и заключения, причем введение можно рассматривать как краткую историографию проблемы.

В первой части («Марксистско-ленинское учение о некапиталистическом пути развития как перерастании демократической и национально-освободительной революции в социалистическую») освещаются основополагающие идеи марксизма-ленинизма о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, история создания теории некапиталистического пути развития и первый опыт ее применения в революционной практике народов Средней Азии и Казахстана. На основе анализа современного этапа борьбы двух общественных систем исследуется опыт развития стран социалистической ориентации, общедемократических преобразований, составляющих основное содержание некапиталистического пути развития.

Во второй части рассматриваются революционные преобразования в политической жизни народов, вставших на путь некапиталистического развития, и опыт соотношения демократических и социалистических преобразований в экономике при переходе народов Советского Востока к социализму, минуя капитализм. Много внимания уделено ликвидации тяжелого наследия колониализма, изживанию докапиталистических отношений, развитию индустриализации и кооперативного движения.

В работе показана также диалектика общедемократического и социалистического в культурных преобразованиях на путях некапиталистического развития. Интересны мысли автора о раскрепощении женщины как особом явлении в социалистическом преобразовании общества. Особого внимания заслуживает раздел о преодолении бывшего засилья религиозной идеологии.

Книга рассчитана на специалистов, преподавателей, студентов вузов, пропагандистов, всех интересующихся проблемами некапиталистического пути развития народов ранее отсталых стран.

М. Н. Болтаев, К. Г. Абидов

ХРОНИКА

ПАМЯТИ В. М. БЕЛЯЕВА

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского музыковеда Виктора Михайловича Беляева (1888—1968). Ученый энциклопедического масштаба, В. М. Беляев оставил богатое научное наследие в самых различных областях музыковедения: народная музыка и композиторское творчество, теория и история музыки, музыкальное источниковедение и палеография и многое другое. Устойчивый интерес проявлял В. М. Беляев к музыкальным культурам народов Востока, особенно Узбекистана и Туркмении. Разработав строгую систему научных методов исследования восточных музыкальных культур, он стал по сути одним из основоположников советского музыкального востоковедения.

Научное наследие ученого (хотя многие его труды остаются неопубликованными) и поныне во многом сохраняет свое теоретическое значение, и не случайно растет интерес к нему в современном музыковедении. Это подтвердили и прошедшие в феврале 1988 г. в Москве и Ташкенте юбилейные мероприятия.

В Москве, в Государственном Центральном музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки (где находится архив В. М. Беляева), была открыта выставка «Творческий облик В. М. Беляева. К 100-летию со дня рождения». Среди хорошо подобранных документов о жизни и деятельности ученого внимания музыковедов-востоковедов заслуживают уникальные музыкально-исторические и этнографические материалы из Средней Азии, в частности «Музыкально-этнографический альбом В. А. Успенского» (в нем собраны редкие фотографии старых музыкантов и т. п.), экземпляр хорезмской танбурной нотации (рукопись, принадлежавшая бухарскому музыканту Ота Гиясу), переписка В. М. Беляева с деятелями музыкальной культуры Узбекистана, востоковедами (в частности с А. А. Семеновым).

Логичным продолжением выставки стал вечер-концерт (4 февраля) «По следам первых музыкальных экспедиций на Восток» (Памяти В. М. Беляева и В. А. Успенского), проведенный научным сотрудником упомянутого музея Т. М. Джанизаде. Вслед за тем, 5—6 февраля, во Всесоюзном Доме композиторов состоялось два всесоюзных научных мероприятия (с участием зарубежных специалистов): научная конференция и «Беляевские чтения».

На конференции было заслушано 14 докладов, сообщений, воспоминаний, в которых особо отмечен вклад В. М. Беляева в исследование музыкальной культуры народов Средней Азии. В частности, об этом говорилось в докладе доктора иск. Ф. М. Кароматова «В. М. Беляев — исследователь узбекской и таджикской музыки».

Вслед за конференцией состоялись первые «Беляевские чтения» на тему «Традиции и перспективы изучения музыкального фольклора народов СССР», где было заслушано 14 докладов музыковедов из различных городов СССР и зарубежных стран. Например, Р. С. Абдуллаев (Ташкент) рассказал об истории многолетней дружбы и творческого сотрудничества В. М. Беляева и В. А. Успенского; А. Б. Джумаев (Ташкент) сделал доклад «В. М. Беляев — исследователь истории музыки народов Средней Азии».

Конференция и «Беляевские чтения» сопровождалась концертами современной композиторской и традиционной музыки Узбекистана, Туркмении и Азербайджана (так, Узбекистан представляли Р. Касымов, А. Исмаилов, А. Саматов, исполнившие инструментальные произведения крупной формы профессиональной музыки устной традиции).

12 февраля 1988 г. в Ташкенте, в Институте искусствознания им. Хамзы состоялась научная конференция «Теоретическое наследие В. М. Беляева и современные проблемы музыкального востоковедения», организованная Союзом композиторов Узбекистана и Институтом искусствознания им. Хамзы. Ее открыл председатель Союза композиторов Узбекистана А. Х. Джаббаров, рассказавший о жизненном и творческом пути В. М. Беляева, его вкладе в развитие музыкальной культуры республик Средней Азии.

Затем было заслушано 13 научных докладов и выступлений музыковедов и композиторов Узбекистана, а также Туркмении. Часть из них: выступления доктора иск. Т. С. Вызго, народного артиста УзССР, композитора М. М. Бурханова, проф. А. М. Рыбника — представляли собой личные воспоминания о встречах либо совместной работе с В. М. Беляевым. Другие выступающие: доктор иск. Ф. М. Кароматов и канд. иск. Д. А. Рашидова наряду с рассказом о личных контактах с В. М. Беляевым остановились на отдельных проблемах современного музыкознания. Так, в выступлении Д. А. Рашидовой поставлен неразработанный в истории узбекской советской музыки вопрос о взаимоотношениях В. М. Беляева с А. Фитратом и поэтом Чулпаном. К «мемуарной» части выступлений примыкает и доклад канд. иск. Р. С. Абдуллаева «В. М. Беляев и В. А. Успенский».

Отдельные стороны научной деятельности В. М. Беляева были охарактеризованы в кратких выступлениях доктора иск. Н. С. Янов-Яновской и преподавателя Ташкентской государственной консерватории З. Т. Арипова.

В докладе канд. иск. А. Б. Джумаева «В. М. Беляев и проблемы исторического музыкознания в республиках Средней Азии» была подчеркнута актуальность для современной музыкально-исторической науки отдельных методов исследований, идей и выводов В. М. Беляева. Канд. иск. О. Матякубов в докладе «В. М. Беляев: мысли о макомах» рассказал об устойчивом интересе В. М. Беляева к проблемам макомата и некоторых современных проблемах изучения макомов. В докладе канд. иск. А. А. Малькеевой «В. М. Беляев — исследователь музыкального инструментария» освещены вклад ученого в изучение инструментария, разработанные им методы и способы точных измерений, показана преемственность отдельных его идей современной наукой. В докладе канд. иск. А. Ф. Назарова «Вопросы ритма в трудах В. М. Беляева» высказана мысль о разработке В. М. Беляевым глубоко продуманной и целостной концепции ритма; к исследованию привлечены малоизвестные работы ученого по проблемам ритма. Канд. иск. Ш. Гуллыев (Ашхабад) осветил в своем докладе «Научное наследие В. М. Беляева и современные проблемы туркменского музыкознания» роль В. М. Беляева в становлении и развитии музыкознания, современной музыкальной культуры Туркменистана.

Итоги работы конференции были подведены в заключительном выступлении А. Х. Джаббарова. В качестве музыкального оформления на конференции прозвучали макомные произведения в исполнении лауреата I республиканского конкурса макомистов У. Расулова.

Проведение всех этих мероприятий дало заметный импульс для пропаганды и популяризации научного наследия В. М. Беляева, его нового прочтения, освоения и введения в актив советского музыкознания. Была высказана мысль о необходимости полного и систематического издания основных трудов выдающегося ученого. Принятые решения о ежегодном проведении «Беляевских чтений» как в Москве, так и в Ташкенте, что, несомненно, будет способствовать повышению общего теоретико-методологического уровня советского музыкознания.

А. Б. Джумаев

К 60-ЛЕТИЮ Х. П. ПУЛАТОВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения заведующего кафедрой философии АН УзССР, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР Хайдара Пулатовича Пулатова.

Х. П. Пулатов родился 10 июля 1928 г. в Чиназе (ныне Чиназский район Ташкентской области) в семье служащего. В 1949 г. окончил Ташкентский юридический институт, затем обучался в аспирантуре и в 1953 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию «О культурно-воспитательной функции Советского государства в первой фазе его развития».

В 1953—1955 гг. Х. П. Пулатов — доцент кафедры теории государства и права, секретарь комитета комсомола Ташкентского юридического факультета; в 1955—1958 гг. — помощник Председателя Президиума Верховного Совета УзССР, с 1956 г. — доцент кафедры марксизма-ленинизма Ташкентского финансово-экономического института; в 1958—1963 гг. — заведующий кафедрой философии АН УзССР; в 1964—1967 гг., в связи с работой над докторской диссертацией, — доцент, а с 1968 г., после

защиты докторской диссертации «Строительство коммунизма и проблемы культурно-воспитательной функции общенародного социалистического государства — профессор данной кафедры; в 1970—1971 гг. — заведующий кафедрой философии Ташкентской Высшей партийной школы; в 1971—1972 гг. — профессор кафедры философии Ташкентского государственного педагогического института иностранных языков им. Ф. Энгельса; с сентября 1972 г. — заведующий кафедрой философии Ташкентского автомобильного института, а в 1982—1984 гг. — проректор этого института; с 1984 г. по настоящее время Х. П. Пулатов — заведующий кафедрой философии АН УзССР.

Один из ведущих специалистов высшей школы Узбекистана, Х. П. Пулатов внес весомый вклад в подготовку высококвалифицированных кадров для народного хозяйства, науки, культуры, партийных и государственных органов. Созданная и возглавлявшаяся им лаборатория по изучению социальных проблем управления осуществляла связь вузовской науки с производством. Ряд рекомендаций ее успешно используется учреждениями промышленности, транспорта и водного хозяйства республики.

Х. П. Пулатов — автор более 300 научных работ в области теории научного коммунизма, актуальных проблем совершенствования и развития социалистического общества, государства, образа жизни, управления духовной жизнью общества и формирования нового человека. В их числе такие труды, как: «Коммунизм, государство, культура, личность (Строительство коммунизма и проблемы культурно-воспитательной функции общенародного государства)» (Ташкент, 1971), «Диалектический материализм и проблемы гуманизма» (в соавт.; Ташкент, 1985), «XXVII съезд КПСС и вопросы социальной справедливости» (Ташкент, 1987; на узб. яз.), «Перестройка политической системы социалистического общества», «О политической культуре перестройки», «Социальная справедливость и человеческий фактор» и др. Он является также соавтором учебных и методических пособий по философии, научному коммунизму, ответственным редактором ряда публикаций.

Под руководством Х. П. Пулатова защитили диссертации более 15 аспирантов и соискателей.

Член КПСС с 1953 г. Х. П. Пулатов активно участвует в общественной жизни. Он — член правления Общества «Знание» УзССР, член Бюро Отделения философских, экономических и юридических наук Президиума АН УзССР, председатель ученого Совета кафедры философии АН УзССР, член специализированных ученых Советов по философии и научному коммунизму АН УзССР и ТашГУ им. В. И. Ленина, член Совета по подготовке молодых ученых при Президиуме АН УзССР, член научно-методических и издательских советов Минвуза УзССР, Госкомиздата УзССР, эксперт комиссии ЮНЕСКО «Наука и человеческие потребности», председатель координационного Совета по советскому образу жизни, правовому и нравственному воспитанию при Обществе «Знание» УзССР, член Бюро Узбекстанского отделения Философского общества СССР, член редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Х. П. Пулатов достойно представлял советскую науку во время научных ко-

мандировок в Народную Республику Болгарию и Японию, был участником многих республиканских, региональных, союзных, и международных научных форумов.

Плодотворная учебно-методическая и научно-исследовательская деятельность Х. П. Пулатова отмечена Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, званием Заслуженного деятеля науки Узбекской ССР и др.

Поздравляя Хайдара Пулатовича Пулатова с юбилеем, научная общественность желает ему доброго здоровья, счастья и новых творческих свершений.

*Бюро Узбекистанского отделения
Философского общества СССР*

МУНДАРИЖА

Партия қарорлари — ҳаётга!

Р. А. Убайдуллаева. Социал-иқтисодий ривожланишни жадаллаштириш шартотида аҳолининг рационал бандлигини таъминлаш муаммолари.	5
И. А. Мақсудов. АПК корхоналарининг ўзаро муносабатлари ва хўжалик алоқаларини ривожлантириш	12
В. В. Шафир. Ер ости бойликларидан фойдаланиш ва уларни муҳофаза этиш соҳасида маҳаллий Советларнинг мавқеини кенгайтириш тўғрисида (Урта Осиё ва Қозоғистон республикалари мисолида).	
Ле Винь Куок. СССР билан СРВ ўртасидаги маданий алоқаларда ЎзССР иштироки тарихидан (Адабий олоқалар)	24

Илмий ахборот

С. А. Белоусов. Ўзбекистонда терговга оид ишлар тартибини ташкил этиш тарихига доир	31
И. А. Асилова, Г. А. Агзамова. «Мовароуннаҳр» ва «Туркестон» географик номларининг ишлатилиши ҳақида	35

Фан янгилклари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

С. Н. Воробьева, И. Ю. Шефедов. Еркурғондан топилган тилла буюмлар.	40
---	----

Мабашунослик

Ш. Т. Зокиров. Туркий қабилалар ҳақидаги ал-Масъудий маълумотлари .	42
---	----

Тарихшунослик

Д. А. Алпимова. 20-йиллар адабиетида «Хужум» ва Ўзбекистонда хотин-қизлар масаласининг ёритилишида жамиятшуносларнинг вазифалари. .	45
---	----

Танқид ва таҳриз

Ш. Б. Шайдуллаев, А. С. Саъдуллаев. Қўҳна Бактрия қўрғонлари. .	
---	--

Янги китоблар

М. И. Болтабаев, Қ. Г. Обидов, М. Х. Маҳмудов. Капитализм четлаб социализмга ўтишда социалистик ва умумдмократик ислохотлар диалектикаси	54
--	----

Хроника

А. Б. Жумасев, В. М. Буляев хотираси	54
Х. И. Пўлатов таваллудининг 60 йиллиги	56

СОДЕРЖАНИЕ

Решения партии — в жизнь!

Р. А. Убайдуллаева. Проблемы обеспечения рациональной занятости населения в условиях ускорения социально-экономического развития	5
И. А. Максудов. Развитие хозяйственных связей и взаимоотношений предприятий АПК	12
В. В. Шафир. О расширении компетенции местных Советов в области использования и охраны недр (На примере республик Средней Азии и Казахстана)	17
Ле Виль Куок. Из истории участия УзССР в культурном сотрудничестве СССР с СРВ (Литературные связи).	24

Научные сообщения

С. А. Белоусов. К истории становления института подследственности в Узбекистане	31
Н. А. Асилова, Г. А. Агзамова. Об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан»	35

Новое в науке: поиски, находки, открытия

С. Н. Воробьева, Н. Ю. Нефедов. Золотые изделия из Еркургана	40
--	----

Источниковедение

Ш. Т. Закиров. Сведения ал-Мас'уди о тюркских племенах	42
--	----

Историография

Д. А. Алимova. «Худжум» в литературе 20—30-х годов и задачи обществоведов в освещении женского вопроса в Узбекистане	45
--	----

Критика и библиография

Ш. Б. Шайдуллаев. А. С. Сагдуллаев. Усадьбы древней Бактрии.	52
--	----

Новые книги

М. Н. Болтаев, К. Г. Абидов. М. Х. Махмудов. Диалектика общедемократических и социалистических преобразований при переходе к социализму, минуя капитализм	54
---	----

Хроника

А. Б. Джумаев. Памяти В. М. Беляева.	54
К 60-летию Х. П. Пулатова	56

НАШИ АВТОРЫ

- Убайдуллаева Р. А.**— доктор экономических наук, зам. директора Института экономики АН УзССР.
- Алимова Д. А.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Асилова Н. А.**— кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Ле Винь Куок.**— кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Максудов И. А.**— ст. научный сотрудник Института экономики АН УзССР.
- Агзамова Г. А.**— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Воробьева С. Н.**— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Закиров Ш. Т.**— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Нефедов Н. Ю.**— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Шафир В. В.**— мл. научный сотрудник Института философии и права АН УзССР.
- Белоусов С. А.**— соискатель юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.

Цена 65 к.

Индекс
75349